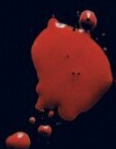

БАРБАРА ХЭМБЛИ

ВАМПИРЫ МОСКВЫ РАДЫ ВАМ

КРОВАВЫЕ
ДЕВЫ

Джеймс Эшер

Барбара Хэмбли
Кровавые девы

«ЭКСМО»

2010

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хэмбли Б.

Кровавые девы / Б. Хэмбли — «Эксмо», 2010 — (Джеймс Эшер)

ISBN 978-5-04-178644-1

1911 год. Грядёт война, и профессор Джеймс Эшер, бывший агент британской короны, вынужден снова объединиться со своим напарником-вампиром — доном Симоном Исидро. Ведь вампиры Российской империи приносят дурную весть: кайзер Германии пытается завербовать тех, кто охотится в ночи. Теперь Исидро и Эшер — в России, идут по следу вампира-изгоя, который ищет способ выживать при свете дня... или же настоящая цель Исидро — найти женщину, которую он когда-то любил? Впервые на русском языке — продолжение культовой серии вампирской классики!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-178644-1

© Хэмбли Б., 2010
© Эксмо, 2010

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	13
Глава третья	19
Глава четвертая	24
Глава пятая	32
Глава шестая	37
Глава седьмая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Барбара Хэмбли

Кровавые деви

Маттиоле.

Особая благодарность посетителям моего блога: Mosswing, Moondagger, Dorianegrey, ann mcn, redrose, mizkit и shakatany – за помощь и советы по поводу направления исследований. Без вас я не справилась бы!

Barbara Hambly
Blood Maidens

© Старков Д.А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава первая

Туман заглушал вопли будто вата.

Держась поближе к серой дощатой стене одного из рабочих барачков, Джеймс Эшер прибавил шагу. Вонь поднятой в воздух пыли пополам с кордитом – вонью гари – прошла по ноздрям наждаком, стирая все прочие запахи, подсказывавшие, где он, ароматы уборных, и карри, и кур...

«Откуда весь этот туман?»

Ответ содержал в себе ключ ко всему, творившемуся этой ночью, – только бы отыскать его...

«Над Молопо таких туманов не было отродясь...»

Земля под ногами дрожала в такт взрывам артиллерийских снарядов.

Этой части Мафекинга¹, пыльного городка, населенного горняками, он прежде ни разу не видел, хотя мог бы поклясться, что знает каждый квартал, каждую улочку наизусть. Со стороны трущоб, где жили с семьями рабочие-баролонги², доносился пронзительный визг детей и женщин, до смерти перепуганных смертоносным ливнем, обрушившимся на город с ночного неба.

«Нужно добраться туда. Добраться и отыскать...»

Однако кого или что он должен отыскать на сей раз, вспомнить не удалось.

«Нужно остановить их...»

Свернув за угол, он почувствовал под ногами булыжную мостовую. Теперь его обступали кольцом высокие кирпичные здания – конторы горнорудных компаний, первоклассные магазины, где местные леди одевались по последней британской моде... Как он попал сюда, Эшер за невозможностью сориентироваться не понял, однако сквозь пыльную мглу сумел разглядеть впереди пламя пожаров. Под ноги, визжа от ужаса, бросилась чья-то болонка. Мир вздрогнул от разрыва еще одного снаряда, упавшего заметно ближе прежних. Пламя свечи за ближайшим окном выхватило из темноты нечто новое – узенький, глянцево поблескивающий ручеек крови, струящийся по камням мостовой ответвляющегося от площади переулка.

Воздух колом застрял в легких.

«Боже правый, сколько же там погибших?»

Резкого медянистого зловония не притуплял даже удушливый запах дыма. Прибавивший в ширине, кровавый ручеек в рубиновых отсветах пламени лениво лизнул носок ботинка. Заглянув в узкий каньон переулка, Эшер увидел на влажном от росы булыжнике цепочку жутких, маслянисто блестящих лужиц, уходящую вдаль, в непроглядный мрак ночи.

Держась у стены, он двинулся вдоль ручейка. Крики и сотрясающий землю гром артиллерии буров сделались громче, вспухли волной, однако тут же утихли, приглушенные сгущающимся туманом. Ноздри по-прежнему шекотал запах реки, смешанный с дымом охвативших город пожаров, но, углубившись в узенький переулок, Эшер понял: «Это вовсе не Мафекинг. Это Лондон».

«Лондон... а я просто сплю».

Однако мысль эта несколько не утешала. Означала она лишь одно: в непроглядной тьме может прятаться, поджидая его, любая неожиданность. А весь его жизненный опыт, все, что он сделал и повидал в Африке во время войны с бурами, и на Балканах, и в Китае – всюду, куда бы ни посылала его королева на протяжении двадцати лет негласной службы Отечеству, подсказывало: рассчитывать на приятный сюрприз по меньшей мере наивно.

¹ Мафекинг (с 1980 г. – Мафикенг) – город в ЮАР, расположенный на берегах реки Молопо (здесь и далее – примечания переводчика).

² Баролонг (также – ролонг) – одно из племен народности тсвана.

Крови, точно так же струящейся по мостовым – да отнюдь не одинокими, скромно поблескивавшими ручейками едва в дюйм шириной, – он повидал предостаточно и наяву.

Касаясь ладонью стены, чтоб не заплутать в темноте, Эшер свернул за угол. Действительно, Лондон... небольшая площадь где-то неподалеку от Тауэра и доков. Сквозь туман, озаренный сполохами пламени, он едва смог разглядеть полуразрушенную, лишившуюся шпиля колокольню дореновской³ церкви. Ночной мрак за проломами в ее стенах казался черным как смоль. Невдалеке виднелся столб уличного фонаря – не из новых, электрических, но старомодного, газового, – однако стекло в нем оказалось разбито и огонек угас. По счастью, над дверью одного из домов покачивался на проржавевшем крюке еще фонарь, со свечой внутри, и в его тусклом свете Эшер увидел, что лужа – целое озеро крови – тянется почти через всю площадь.

Под фонарем, в дверной нише высокого дома без единого огонька за оконными стеклами ждал Эшера дон Симон Исидро.

– Джеймс...

По обыкновению негромкого, едва уловимого шепота вампира не смог заглушить ни грохот разрывов, ни вопли гибнущих.

– Джеймс, нам нужно поговорить.

– Катись в пекло, – ответил Эшер.

Глаза его открылись сами собой. Вокруг было темно. Со лба ручьями струился пот, все тело дрожало.

«Катись в пекло...»

Что ответил Исидро на сию ремарку, Эшер знал точно, пусть даже не слышал ответа: именно пекло, адское пекло он и видел во сне.

Не обстрел бурами Мафекинга – бомбардировку германцами Лондона. Он видел величавые воздушные суда, цеппелины, безмолвные, словно облака над Констанцским озером⁴, и планы превращения оных в летучие транспорты, чтоб осыпать мощными бомбами вражеские города. Видел он и арсеналы – оружие, запасенное немцами, и австрийцами, и французами, не говоря уж о русских с турками. Видел он и смотр армий кайзера – стройные колонны солдат в серых мундирах, идущих церемониальным маршем по Унтер-ден-Линден, и блеск в глазах германских офицеров, предвкушавших, как поведут все эти непревзойденные силы отвоевывать для себя «подобающее место» в Европе и во всем мире.

В сравнении с назревающим лужа крови из сновидения – всего лишь жалкая клякса, кровавый ручей – лишь капелька, вытекшая из пальца, уколотого булавкой.

«Я должен добраться туда. Должен остановить их. Должен найти...»

Не без труда удалось ему заставить себя сделать глубокий вдох и медленно выпустить воздух. У начальства из Департамента всегда находилось еще одно, последнее дело, последнее поручение, справившись с коим он, Джеймс Эшер, скромный преподаватель, филолог из Нового Колледжа, предотвратит очередной кошмар, поджидающий за углом...

Но отчего-то искать и выяснять всякий раз приходилось то, чего, по мысли военных, не доставало армии, чтобы на пару шагов обогнать немцев в нескончаемом состязании – чье оружие смертоноснее, чьи линкоры огромнее, чья мощь страшней.

«Вот только при чем здесь Исидро?»

Лежа во тьме, Эшер прислушивался к стуку дождя за окном. Мирное, ровное дыхание Лидии в тишине спальни казалось необычайно громким, как будто оглушительный грохот канонады сотрясал все вокруг сегодня – пять минут, а не двенадцать лет тому назад. Лежав-

³ Кристофер Рен – известный английский математик и архитектор, перестроивший центр Лондона после Великого пожара 1666 г., создатель общенационального английского архитектурного стиля, т. н. «реновского классицизма».

⁴ Констанцское озеро – устаревшее название Боденского озера в Предальпах, на границе Германии, Швейцарии и Австрии.

шая рядом Лидия свернулась калачиком, точно ребенок, устроив голову на его плече. При свете крохотного ночника густой шелк ее заплетенных в косы волос казался совсем темным, хотя днем, при свете солнца, был рыж, точно хна. Ночной рубашки она после любовных игр, несмотря на прохладу весенней ночи, не надела, и на ее обнаженной шее поблескивали звенья серебряной цепочки: с этой цепочкой Лидия не расставалась ни на минуту.

«Притом что Исидро – вампир?»

Смежить веки Эшер не смел, опасаясь вновь провалиться все в тот же кошмар, в тот же момент, из которого вынырнул. Опасаясь снова увидеть ту же стройную фигуру в дверной нише под фонарем на ржавом крюке, то же узкое, некогда миловидное лицо, те же длинные бесцветные волосы, невесомые, словно паучий шелк... и, разумеется, неизменное любопытство в блекло-желтых глазах, отражающих все вокруг, подобно кошачьим.

«Быть может, Исидро приснился мне, так как за триста пятьдесят с лишним лет охоты на живых для подкрепления сил без колебаний, без угрызений совести погубил столько народу – мужчин, женщин, детей, – что их хватило бы на два, а то и на три Мафекинга?»

Рука Эшера сама собой потянулась к его собственной цепочке, охватывавшей шею чуть выше ключиц. Казалось, гладкие, увесистые звеньшки из серебра накрепко связывают его и Лидию с тайным знанием, с тайными ужасами. Скользя по металлу, его пальцы коснулись и шрамов, тянувшихся от уха, вдоль ярменной вены и сонной артерии, к плечу и ниже, до самого локтя.

«Или же потому, что в моем “подсознании” – как выразился бы этот малый из Вены, по фамилии Фрейд – дон Симон Кристиан Хавьер Морадо де ла Каденья-Исидро представляет собою Смерть?»

Оставалось только надеяться, что это так.

Об ином вероятном – и, вполне может быть, истинном – объяснении размышлять не хотелось. Очень.

Шандунский полуостров, деревушка Ваньвэй. Жаркая, влажная ночная мгла укрывает все вокруг удушающей пеленой, монотонный напев цикад и трели лягушек прекрасно маскируют тот, прочий шум, вроде бы донесшийся из-за деревьев, ширмами окаймляющих рисовые поля.

Едва различимый хруст валежника под войлочными сапогами. Голоса людей, перешептывающихся на практически непонятном ему диалекте. Кружащая голову тревога, навеванная неспособностью верно истолковать безмолвные знаки, которыми на его глазах обменивались крестьяне в течение дня, их бесстрастные выражения лиц, ни к чему не обязывающие поклоны... а как, как, скажите, понять смысл всего этого, лежащего на поверхности неизмеримо более глубокой культуры, человеку, практически с ней не знакомому?

Германцы, строившие в Циндао флотскую базу, считали Эшера соотечественником, а догадавшись, что это не так, пристрелили бы без разговоров. Однако стоило выйти за пределы их поселения, и кто он таков – немец ли, англичанин, американец или француз, – никакой роли уже не играло.

За воротами он становился «фань цюйай», длинноносый дьявол. И с наступлением темноты все эти безмолвные, добропорядочные крестьяне как один поднимались, покидали дома, стекались к одинокому иностранцу стаей акул.

Деревушка Ваньвэй пустовала не первый год. На окнах самой большой из двухкомнатных хижин еще сохранились ставни, однако кровля наполовину просела внутрь. В лунном свете, сочившемся сверху сквозь переплет стропил, Эшер разглядел холодный кирпичный помост печи-лежанки, раздавленные корзины, битые горшки. Со всех сторон несло плесенью, крысиным пометом... и кровью.

Он снова спал. Спал и видел сон.

Помнивший, чем обернулась та давняя ночь на деле, в 1898-м, и отнюдь не желавший пережить все это вновь, Эшер огляделся вокруг. Он знал: еще пара минут, и над потолочными балками появятся силуэты людей, местных приверженцев общества «Кулак во имя справедливости и согласия», посвятивших жизнь уничтожению белых – тех, кто подверг надругательству китайские традиции и обычаи, под дулами пушек продавал им наркотики, глумился над их божествами и предками, а теперь, в угоду христианской вере и прогрессу современной европейской торговли, вознамерился разделить их страну меж собой, будто сладкий пирог. Если ему удастся как-нибудь перебраться через заднюю стену хижины до их появления...

Однако тут свет луны померк, приобрел жуткий зеленовато-желтый оттенок. Вместо повстанцев-ихэтуаней⁵ в хижину пополз странный густой туман, колышущийся куда тяжелее, ленивее любого обычного. Клубы его обожгли глаза и ноздри, горло закупорил необычайно сильный запах горчицы. Об этом – о новом оружии, изобретенном германцами, о ядовитом газе, парализующем и ослепляющем человека, – Эшеру рассказывали в Форин-офис⁶.

В задней части хижины обнаружилась дверь («Отчего ее не было там в июне 1898-го?» – мелькнула мысль в голове), и, выскользнув за порог, Эшер увидел перед собой подножие каменной лестницы, спиралью ведущей вверх, в башню, хотя оказаться пристройкой к хижине, которую он только что покинул, подобная башня никак не могла. Между тем газ начал сочиться в башню сквозь щель под дверью, и Эшер без колебаний помчался наверх. Запах крови становился сильнее и сильнее. Тоненький лунный луч высветил под ногами кровавый ручеек, стекающий по ступеням навстречу.

«Кровь... она ведь откуда-то да берется?»

Газ поднимался следом. В донесениях Форин-офиса говорилось, что газ этот тяжелее воздуха, а значит, его вполне возможно опередить... однако стоило подумать об этом, свет луны угас. Нашупывая путь в непроглядной тьме, задыхаясь от запаха крови и яда, Эшер двинулся дальше, но лестница, кончившись, уперлась в глухую стену. Не видя вокруг ни зги, Эшер не мог даже понять отчего – оттого ли, что башня без окон, или, может, он ослеплен газом?

Упав на колени во мраке, он принялся ощупывать край пола.

«Кровь ведь откуда-то да берется...»

Однако в камне не нашлось ни щелки, ни трещинки. Горячая, свежая, словно только что выплеснувшаяся из раны кровь липла к пальцам, подступающий снизу газ обжег горло. В отчаянии Эшер вскочил, начал лихорадочно обшаривать стену, неразличимую в угольно-черном мраке...

И тут над его ухом раздался знакомый, едва уловимый шепот:

– Джеймс... Джеймс, нам нужно поговорить.

– Да, такое вполне в его силах, – подтвердила Лидия, вернувшись к столу, накрытому к завтраку, с чашкой кофе, яичницей и тостом на тарелке розового с зеленым фарфора и вторым кексом, для него.

Нотки отрешенного равнодушия в ее голосе не обманули Эшера ни на секунду.

– Решив, что для поездки с ним в Вену в прошлом году, на поиски тебя, мне нужна компаньонка, он призвал ее, точно так же воспользовавшись сновидениями.

«И убил, когда в ней минула надобность...» Нет, этого Лидия вслух не добавила – только, не сводя огромных бархатно-карих глаз с яичницы, принялась отщипывать от тоста крохотные кусочки, макать их в растекшийся желток, а после откладывать на край тарелки несъеденными.

⁵ *Ихэтуань* («Отряд справедливости и мира») – общее название многих стихийно сформировавшихся повстанческих отрядов во время так называемого «Боксерского восстания» в Китае, а также их членов.

⁶ *Форин-офис* (англ. Foreign Office) – устаревшее неофициальное название министерства иностранных дел Великобритании.

Знакомые признаки... Глядя на все это, Эшер от души пожалел, что был вынужден напомнить Лидии о старом вампире.

Когда-то она любила его.

И теперь, наблюдая, как молодая жена тщательно, добиваясь безупречной симметрии, раскладывает на тарелке кофейную ложечку, ложечку для яиц и нож, Эшер заподозрил, что любовь к дону Симону Исидро жива в ее сердце до сих пор.

«Да, я очаровал ее, мы всегда очаровываем, – объяснил ему Исидро перед расставанием, в безмолвии собора Святой Софии Константинопольской. – Мы так охотимся. И это ничего не значит».

Разумеется, Эшер все это понимал. Изрядно обжегшийся на отношениях с одной из вампиров, графиней Эрнчестерской, он знал, через что пришлось пройти Лидии. Да, она уже не была девицей из обеспеченной семьи, шокировавшей родных брачным союзом с человеком на десять с лишним лет старше – и, кстати заметить, нищим преподавателем языкознания! – однако Эшер-то видел, что ее увлечение медицинскими изысканиями во многих отношениях возобновило эмоциональную изоляцию, начало коей положило богатство отца. В эндокринных системах человеческих существ Лидия до сих пор разбиралась гораздо лучше, чем в их поступках, жизнях и душевных склонностях.

Любовь к Исидро и вид безжизненного, обескровленного тела той самой бедняжки, ее компаньонки, распростертого на кровати, – все это оказалось для Лидии ударом отнюдь не из легких. Вот уже битых полтора года Эшер наблюдал, как она то запирается в анатомическом театре больницы Радклифа, то прячется меж книжных полок Радклиф-Камеры⁷, уходя с головой в медицинские штудии, то затворяется в собственном кабинете здесь, на Холливелл-стрит, и строчит, строчит продуманные, лаконичные статьи об экспериментальных процедурах и выделениях шишковидной железы. В минувшем сентябре – чуть меньше чем через год после возвращения из того ужасающего вояжа в Константинополь – ему, заподозрившему, что Лидия носит под сердцем дитя, показалось, будто все это в прошлом, однако...

Подозрения Эшера подтвердил выкидыш, случившийся под конец октября, а Лидия, вновь погрузившись в молчание, порой начала становиться такой равнодушной, далекой, что кровь стыла в жилах. Да, она всеми силами старалась утешить его в горе и сама заставляла себя принимать утешения, однако Эшер видел: некая часть ее существа спрятана так далеко, что не дотянуться.

Только на Рождество он – наконец-то! – впервые услышал ее непринужденный смех, услышал, как Лидия, по обыкновению, затеяла с одним из самых чванлых представителей семейства Уиллоуби спор, есть ли у кошек душа или же нет. Рождественской ночью она, проснувшись задолго до рассвета, плакала в его объятиях, а на Новый год, по пути домой с ужина у дядюшки, декана Колледжа, спросила:

– А как ты, Джейми, думаешь провести этот год? – и в ее тоне явственно слышалось, что речь идет вовсе не о его студентах, не об исследованиях смутных, малоизвестных легенд и даже не о формах сербских глаголов.

С тех пор Эшеру вот уж три месяца казалось, что на его глазах сквозь толщу каменной мостовой робко пробиваются к солнцу ростки зелени...

Однако теперь, стоило ему упомянуть имя старого вампира, прежнее настороженное молчание тут же вернулось назад.

– Да, помню, – осторожно, точно Лидия несла в руках исключительно хрупкую вазу, ответил он. – Но это вовсе не значит, что я собираюсь идти у него на поводу.

⁷ *Радклиф-Камера* – знаменитый круглый читальный зал в Оксфорде, названный, как и упомянутая выше больница, именем Джона Радклифа, английского врача, ученого и политика XVII–XVIII вв., одного из ведущих благотворителей Оксфордского университета.

Взглянув на него из-за стекол очков, Лидия вновь поспешила опустить взгляд к тарелке, вновь принялась раскладывать на ней столовое серебро.

– Даже ради того, чтоб узнать, что ему от тебя нужно?

– Что ему нужно, я знаю заранее. Нужно ему, чтобы я сделал за него нечто такое, на что сам он в силу природы своей неспособен.

Лидия слегка выровняла кофейную ложечку. Казалось, она даже не помышляет о том, что известно обоим. При всей своей власти над человеческим разумом Неупокоенные оставались бессильны перед солнечным светом. И сам Эшер, и Лидия воочию видели жуткое пламя, охватившее тело вампира, как только его коснулся первый луч солнца. При всей своей чудовищной силе (Эшер сам видел, как дон Симон Исидро гнул тонкими пальцами кованое железо) вампиры не могли дотронуться до серебра, не заработав ожогов и язв, а порой и захворав не на одну неделю. И, наконец, при всем своем условном бессмертии Неупокоенные вечно зависели от необходимости охотиться, необходимости кормиться живой кровью, а также от регулярных физических омоложений, недостижимых без гибели жертв.

– Предположительно, – куда спокойнее продолжал Эшер, покрутив ус, – ему хочется, чтоб я, воспользовавшись связями в Форин-офисе, разузнал для него что-либо или отправился с ним в некое путешествие. Всего остального он может добиться от живых при помощи денег, обмана или шантажа, как, обманув бедную мисс Поттон, залучил ее тебе в компаньонки и как шантажировал в 1907-м меня самого. А превращением моих личных ночных кошмаров в декорации для его угроз я глубоко возмущен.

Длинные, тонкие пальцы Лидии замерли перед тем, как еще на миллиметр сдвинуть в сторону ложечку для яиц. Затем, скривив губы, она сгребла столовое серебро в кучку, в нарочитом беспорядке сдвинула его к краю тарелки и вновь взглянула на Джеймса – деловито, совсем как в прежние времена. На фоне белесой хмари за окнами – март 1911-го выдался необычайно студеным, ветер отчаянно трепал голые ветви ив в саду – ее сердоликовые, тускло-рыжие волосы приобрели оттенок тлеющих в очаге углей, округлые линзы очков заблестели не хуже серебряной подставки для гренадов.

– Ты ждешь от него опасности?

Тут Эшеру, в свою очередь, пришлось отвести взгляд от того, чего ему совершенно не хотелось видеть. Может, Исидро сует нос в кошмары, преследующие его вот уж больше десятка лет, только потому, что знает, как обратить невысказанные страхи в согласие? А может, причина всех этих видений в том, что самому Эшеру слишком хорошо известно, чем обернется новая, современная война?

Как знать, как знать...

– Не будь это важно, – спокойно, с той самой рассудительностью, что порой приводила собеседника в нешуточное замешательство, продолжала Лидия, – он даже не попытался бы связаться с тобой, сам понимаешь.

Да, в ее правоте Эшер несколько не сомневался. А еще понимал, что изначальный порыв, стремление уберечь Лидию от воспоминаний о старом вампире по крайней мере отчасти был попросту ширмой. Дымовой завесой. Что на самом деле ему ничуть не меньше хотелось убежать от них самому.

– «Это», Лидия, важно всегда, – устало ответил он. – Всякий раз, как начальство Департамента просит меня рискнуть жизнью ради королевы и родины, причина в том, что задание – важнейшее в жизни и они всецело полагаются на меня. И всякий раз это заканчивается смертью, либо предательством, либо обстоятельства вынуждают меня поступить с кем-нибудь так, как я даже не подумал бы с ним поступать, не будь задание важнейшим в жизни...

Эшер горько вздохнул, словно пытаясь исторгнуть из легких запахи крови и горчичного газа.

– Устал я от этого, Лидия. Устал, а еще страшновато становится, так как подобное начинает входить в привычку и больше не возмущает, как прежде. А еще у меня чай остыл, – добавил он.

Лидия, рассмеявшись, направилась к буфету, за чайником.

– Нет, я вовсе не хотел сказать, что тебе следует сходить за...

– После того как я закончу работу в анатомическом театре, мы с Джозеттой едем на лекцию о древнеегипетских медицинских текстах.

Помянув о лучшей подруге, учительнице литературы в одном из самых дорогих пансионов, Лидия налила ему чаю.

– Так что до вечера ты меня больше не увидишь.

Водрузив чайник на место, на крохотную спиртовку, она встряхнула пышными кружевными манжетами, спрятала в них ладони, словно рыжеволосая болотная фея, ни с того ни с сего переодевшаяся в дамский костюм от Уорта⁸ из темно-зеленой шерсти с чуть желтоватым отливом, и, несколько поколебавшись, добавила:

– Джейми, ты ведь не сердишься на дона Симона, правда?

Эшер приподнял бровь:

– Не сержусь ли я на того, кто погубил сотни человек только затем, чтоб самому жить, и жить куда дольше отведенного людям срока? Нет, нет, – прибавил он, заметив тревогу, вновь угнездившуюся в глазах жены. – Нет, не сержусь. В прошлом он помогал нам, а то, чего он от меня хочет, действительно может быть крайне важно, однако это отнюдь не значит, что он безобиден сам по себе. Всякий раз, как я, или ты, или любой другой сталкивается с ним – либо с любым из вампиров, мы, можно сказать, играем с собственной жизнью.

Приняв чашку, он накрыл руку Лидии ладонью:

– Знал бы я, куда ему писать, непременно сообщил бы в самых учтивых выражениях, что на этой неделе занят и ни за какие дела не берусь.

Лидия улыбнулась. Ее блестящая, яркая красота поразила Эшера в самое сердце, совсем как в те дни, когда ей было шестнадцать, а он, гость, время от времени приглашаемый к ее высокоученому дядюшке, в Уиллоуби Тауэрс, на партию в крокет, не имел ни малейшей надежды стать для нее кем-либо, кроме как другом семьи, которого со временем могли бы пригласить на ее венчание с кем-то другим.

Однако Лидия сразу же посерьезнела, сняла очки (упаси боже, если кебмен или лучшая подруга увидят ее в очках!) и спрятала их в серебряный футляр.

– Просто будь осторожен, Джейми. Если дело действительно важное, отказа он, думаю, принять не пожелает.

– Что значит «не пожелает»? Придется!

Но, несмотря на всю эту браваду, Эшер с замиранием сердца понял: на самом деле жена его абсолютно права.

⁸ *Чарльз Фредерик Уорт* – французский модельер английского происхождения, основатель первого европейского Дома высокой моды.

Глава вторая

– Лидия?

Мрак на ступенях лестницы поглотил ее имя, и, окруженный тишиной дома – безмолвного, будто могила, однако отнюдь не пустого, – Эшер подумал: «Все это сон».

Стоило ему осознать, что некогда он уже стоял точно так же, на этом же самом месте, в груди вскипела, запылала жаркая злость.

Туманный вечер. Осень 1907-го. В доме ужасно зябко. Стук копыт за дверьми, на Холивелл-стрит, в тишине кажется грохотом канонады. Стоя посреди передней в черной академической мантии, Эшер заранее знал, что, пройдя по нижнему этажу, в кухню, обнаружит там миссис Граймс, горничную Эллен и Сильвию, девчонку на побегушках, нанятую им в помощь (а в прошлом году вышедшую замуж за сына местного мясника и замененную не менее бестолковой Дейзи), уснувшими за столом, точно в немой сцене из дешевой мелодрамы...

А на втором этаже, на диване в верхней гостиной, прижимая к груди очки, лежит без сознания Лидия, и ее волосы ниспадают на пол волной цвета обожженной глины. А за столом Эшера, расположившись так, что его не видно из-за порога, сложив перед собой тонкие руки, словно мертвенно-бледный богомол, поджидающий жертву, сидит он, дон Симон Исидро...

– Я – дон Симон Хавьер Кристиан Морадо де ла Каденья-Исидро. Из тех, кого вы зовете вампирами.

И Эшер, полжизни изучавший фольклор дюжины разных культур, не верил ему, пока, приложив к грудной клетке жуткого гостя стетоскоп Лидии, не удостоверился, что не слышит ни дыхания, ни биения сердца.

– Будь ты проклят, – прошептал он и двинулся наверх.

Но, распахнув настежь дверь в кабинет на втором этаже, Эшер обнаружил, что диван – хотя и стоит на прежнем месте, точно так же, как в тот самый четырехлетний давности вечер, и прекрасно виден в проеме полуоткрытой межкомнатной двери – пуст. Никаких прозрачных намеков, как в прошлый раз: я-де, стоит мне захотеть, вполне могу убить и твою жену, и слуганок, и всех, кто тебе небезразличен... а посему лучше уж делай, что говорят. На рабочем столе горела лампа, однако художавого джентльмена с длинными белыми волосами до плеч, с глазами желтыми, как самородная сера, говорящего едва ли не шепотом, с легким староиспанским акцентом, за столом не оказалось.

Зато разложенные на столе бумаги украшала россыпь кровавых брызг.

А на одном из листов (на листе писчей бумаги с вензелем Лидии, будь проклята его наглость!) кровью, в манере столетия этак шестнадцатого, было начертано:

«Джеймс,
нам с вами нужно поговорить».

На поиски дворика, который Эшер видел во сне, ушел целый день. Он знал, что искать нужно где-то недалеко от реки, в беспорядочном средневековом хитросплетении улочек, не тронутых Великим пожаром. Знал, что находится дворик ближе к востоку, между Уайтчепел-стрит и грязными лабиринтами доков, раскинувшихся вдоль берега. Знал, что высматривать следует полуразрушенную колокольню дореновской церкви и небольшую, странной формы площадь в окружении древних фахверков из балок и почерневшего от времени кирпича особняков, некогда служивших предметом гордости богатейших купцов елизаветинской Англии, а ныне отданных под дешевые пансионы для вернувшихся из рейса матросов да комнаты, сдаваемые внаймы беднякам.

Холод в тот мартовский день стоял просто-таки арктический, а часам к трем, когда Эшер наконец отыскал нужное место, с реки в город, смешиваясь с удушливой вонью угольного дыма

и дворовых уборных, пополз туман. Едва различимые в мутной пелене, прохожие, спотыкаясь, брели по истертому булыжнику переулков, собирались кучками возле пылающих жаровен торговцев каштанами и кашляли, кашляли, словно неугомонные тени усопших, слетевшиеся к Одиссею, на берег Стикса...

«Бесплотны, пока не насытишь их жертвенной кровью».

Однако Исидро не покажется на глаза, пока солнце не опустится за горизонт.

Уяснив себе, где находится площадь, Эшер направил стопы в ближайший трактир и на удивление неплохо отобедал там сосисками с толченым картофелем. Завсегдатаи «Рыбы и Кольца» на Мэриголд-уок: портовые грузчики, воры, шлюхи и местные хулиганы – Эшеру не докучали, и вообще словно бы не заметили его появления. Как ни странно, он, Эшер, обычно предъявляемый студентами заезжим американцам в качестве типичного образчика оксфордского преподавателя, прекрасно умел принимать облик столь же типичного чернорабочего, оставшегося без места. Впрочем, не обладая способностями хамелеона, до сорока шести на Королевской Секретной Службе, пожалуй, не дотянуть...

Когда снаружи совсем стемнело, он расплатился с трактирщиком парой бобов⁹ и снова двинулся в сторону Фельмонгер-корт.

Во сне эта узкая, причудливой формы площадь была совершенно безлюдна – не говоря уж о том, что сплошь залита кровью. Наяву, в шесть часов пополудни, и площадь и ее окрестности кишели оборванной ребятней, гонявшей обручи, швырявшейся камнями, перекликавшейся сквозь студеной туман писклявыми, призранными голосишками. Из темных переулков проходящего мимо Эшера окликали гуляющие женщины в лохмотьях. Навстречу, едва не натываясь на него, обдавая его табачным перегаром пополам с можжевельным запахом джина и вонью годами нестиранной одежды, брели мужчины, не помышлявшие ни о чем, кроме весьма относительного уюта переполненных комнат да двух-трех часов отдыха перед тем, как вернуться к работе.

– Ножи, ножницы, зонтики... наточим, починим, в порядок приведем... Ножи, ножницы, зонтики, – ломким, дрожащим голосом тянул невдалеке какой-то старик.

Как сообщил ему Исидро, вампиры, вопреки заверениям Брэма Стокера и большинства прочих писателей, эксплуатирующих данную тему, кормились главным образом бедняками: за неимущего, если его исчезновение вообще хоть кто-то заметит, никому не придет в голову мстить. Следуя через площадь, Эшер вглядывался в темноту (тот самый уличный фонарь действительно оказался разбит) и отрешенно гадал, кто из всех этих шлюх, или детишек, или выпивох, насквозь пропитанных джином, не вернется нынче ночью домой – если, конечно, у него имеется какая-никакая крыша над головой. Может статься, за кем-то из множества этих оборванцев прямо сейчас, прячась в тени, выбирая жертву, наблюдает сам Гриппен – хозяин, повелитель всех лондонских вампиров – или кто-то из его выводка...

Впрочем, заметить Гриппена во время охоты несколько не легче, чем разглядеть оспу, или холеру, или близящуюся голодную смерть, прежде чем одна из этих напастей не нанесет удар.

Кроме того, Эшеру – и далеко не впервые – пришла в голову еще одна мысль: а вдруг все эти сновидения навеяны каким-то Исидро, а тем же Гриппеном или одним из его присных, решившим, что даже один смертный, знающий, как отыскивать вампирские логова, и, мало этого, действительно верящий в существование подобных созданий, это уже непозволительно много?

Но тут совсем рядом раздался мягкий, негромкий голос:

– Джеймс... Какая радость, что вы изволили принять мое приглашение.

Почувствовав, как волосы на затылке поднимаются дыбом, Эшер оглянулся на голос:

⁹ Боб – на английском уголовном жаргоне монета достоинством в шиллинг.

– Разве у меня был выбор?

– Джеймс, дорогой вы мой...

Взглянув на Эшера, вампир нисколько не изменился в лице, однако на трупное окоченение его неподвижность не походила ничуть. Постигшая его многие годы тому назад смерть была для него состоянием столь же естественным, как и жизнь.

– Выбор, мой дорогой, есть в любом случае.

Стоило им миновать полосу неяркого света, падавшего наружу из закопченного окна, узкое лицо Исидро снова вуалью укрыла тьма. Рука, сомкнувшаяся на локте Эшера, казалась легкой, будто девичья, однако эти тонкие пальцы могли легко раскрошить кость.

– Эй, красавцы, а вам сразу вдвоем кончать доводилось когда-нибудь? – проворковал женский голос из пасти темного переулка, откуда жутко несло нечистотами и тухлой рыбой.

– Нам с другом, сударыня, довелось испытать все возможное, – учтиво ответил Исидро, и оба, не сбавляя шага, двинулись дальше, во тьму.

Носок ботинка слегка обдало ледяной водой. Под ногами, пружиня, прогнулись доски импровизированного мостика. Внизу, в темноте, блеснула подернутая рябью лужа. Дважды они повернули направо, затем свернули налево. Считая шаги, Эшер чувствовал, как Исидро мысленно давит на его разум, исподволь навевает этакую сонную, благодушную беззаботность, и сопротивлялся ей что было сил.

«Три, четыре, пять, шесть...»

Еще поворот направо, скрип петель – и навстречу, в лицо, дохнуло холодом, мышиным пометом и плесенью.

Лестница привела их вниз, в старую полуподвальную кухню. Тусклый огонек лампы на дощатом столе едва позволял разглядеть груды пыльного хлама, лопнувших мешков и расползшихся корзин, кучей сваленных в угол. Из-за двери в фасадной стене явственно пахло речной водой.

– Не прежняя моя резиденция... – Придвинув к Эшеру кресло с дощатой спинкой, Исидро уселся на край стола рядом с лампой – прямой, словно туго затянут в придворный дублет. – Госпожа Лидия слишком уж хорошо разбирается в актах о передаче имущества. Полагая, она в добром здравии?

– Да, с ней все в порядке.

Молчание Исидро длилось несколько дольше, чем следовало; более на его знакомство (не говоря уж о совместных вояжах, любовных узах либо намеренном обмане) с молодой женой Эшера не указывало ничто. Только сосредоточившись (да и то потому, что вампиры слишком уж полагались на кое-какие изъяны в человеческом восприятии), Эшер смог разглядеть жуткие шрамы на лице и горле Исидро – память о том, как вампиру пришлось защищать Лидию и защищаться самому. Раны Неупокоенных затягивались крайне медленно и совершенно иначе, чем у живых. Даже сейчас, спустя полтора года, отметины выделялись на бледной коже Исидро словно бугры засохшей замазки.

Лидия на месте Эшера спросила бы напрямик: «Много ли времени требуется вампиру для заживления ран?»

Но тут Эшеру вспомнились и ее молчаливость, и слова, порой выкрикиваемые ею во сне.

«А может, и не спросила бы».

– А сами вы?

– Я тоже вполне здоров и благополучен, – ответил Эшер. – А вы?

Исидро слегка склонил голову на сторону:

– Это простая учтивость или вам действительно интересно?

– Не знаю, – поразмыслив, признался Эшер, однако, еще ненадолго задумавшись, добавил: – Действительно интересно, дон Симон.

– Тогда об этом – как-нибудь в другой раз.

Вынув из кармана безупречно чистого, с иголки новенького серого пальто (воистину, разгуливать в таком наряде по Ист-Энду¹⁰, оставаясь никем не замеченным, под силу только вампиру) сложенный лист бумаги, Исидро протянул его Эшеру.

Письмо оказалось написанным по-английски:

«Санкт-Петербург,
3 февраля 1911 г.
Дражайший мой Симон!

Простите мне затянувшееся молчание. В это время года постоянно разъезжаешь по границам, а обстоятельная, подробнейшая эпистола о балете и опере, о скандалах светских и политических, мало-помалу движущаяся к завершению, ждет своего часа вон там, в углу секретера... а здесь речь пойдет о материях, не терпящих промедления.

Лет этак несколько тому назад вы писали мне об одном ученом по фамилии Б—, во имя короля и родины стремившегося разузнать то, что совершенно его не касалось, и...»

Сошнувшись, Эшер взглянул в невозмутимое лицо вампира:

– Уж не имеет ли она в виду Хориса Блейдона?

Так звали ученого, четыре года назад пытавшегося выделить из крови вампира сыворотку, позволяющую наделить необычайными силами Неупокоенных человека живого; создать гибрид, способный действовать при свете солнца не хуже, чем в темноте, а серебра касаться с той же непринужденностью, что и стали. Сотворить человека, наделенного всеми способностями вампира, но при этом лишеного его недостатков. Человека, который применит эти способности в назревающем (о чем было известно каждому) противоборстве с Германией и ее союзниками. Бессмертного, готового самоотверженно биться за короля и родину – подобно Эшеру, не задумываясь, кто пострадает в результате.

В знак согласия Исидро всего лишь слегка прикрыл веками желтые, словно сера, зрачки.

«Без вашего сообщения о сих материях я вряд ли удостоила бы услышанное внимания: ну кто, КТО, скажите на милость, станет вслушиваться в нудную болтовню ученых мужей, затевающих разговоры о своих изысканиях в самый разгар суаре?! Однако есть тут у нас некий германский доктор, чьи изыскания показались мне поразительно схожими, и прошлой ночью, на Венецианском завтраке у Оболенских, спасаясь от великого князя Георгия (самого НЕСНОСНОГО зануды во всей Империи, смею заверить), я скрылась в зимнем саду и застала там сего тевтонского исследователя крови и народных преданий за продолжительным разговором с особой из нашего круга.

Что же мне делать, дражайший мой друг? Как вам известно, король и родина ничуть не заботят меня вот уже много лет, однако ж...

Однако ж германский кайзер – столь МЕРЗКИЙ, ничтожный лягушонок, что от одной мысли о том, как он, выкрикивая приказания, грохоча сапожищами, вломится в Уайтхолл, мне становится весьма и весьма не по себе.

Скажите, этот ваш профессор Э— до сих пор жив? Нельзя ли вновь заручиться его помощью? Или, может, Гриппен успел с ним покончить?

Если так, что вы в сем случае посоветуете предпринять?

Навеки ваша,

Ирен».

Хорис Блейдон...

¹⁰ *Ист-Энд* – восточная часть Лондона, с давних пор пользующаяся репутацией бедного рабочего района.

Сын Блейдона, Деннис, после инъекций той самой сыворотки до сих пор снился Эшеру в ночных кошмарах.

Что ж, как он и сказал Лидии, причина всякий раз в том, что задание – важнейшее в жизни... Говоря это, Эшер отнюдь не шутил. И сейчас нутром, мозгом костей почувствовал: он должен, обязан ехать в Санкт-Петербург, на поиски того самого «тевтонского исследователя крови и народных преданий»...

Почувствовал, однако как ни в чем не бывало спросил:

– И что же вы посоветовали?

«С особой из нашего круга, – говорилось в письме. – Скажите, этот ваш профессор Э— до сих пор жив или Гриппен успел с ним покончить?»

Действительно, от гибели он был на волосок...

– Я немедленно телеграфировал ей с просьбой рассказать обо всем подробнее.

Вынув письмо из рук Эшера, Исидро аккуратно сложил листок вдвое. Его перчатки, подобно всем прочим деталям костюма, также оказались безукоризненно чистыми и отнюдь не дешевыми – серая французская лайка, полкроны за пару.

– Что она ответила?

– Ответа я не получил. Произошло все это более пяти недель тому назад – их третье февраля у нас считается семнадцатым. Да, леди Ирен Итон не заботится ни о чем, не касающемся ее личных удобств, туалетов и благополучия... однако собственными суждениями дорожит не меньше, чем комфортом. И хотя нога ее не ступала на английскую почву вот уже девять десятков лет, пруссаков она всей душой презирает, полагая их варварами, выскочками, с которых давно пора сбить спесь. Полагаю, об ответе, способствующем их конфузу, она не запомнила бы ни за что.

Последовавшее за этим молчание нарушало только шипение горящего в лампе фитиля. Раз где-то наверху заскреблась в углу крыса.

«Особа из нашего круга...»

«Скрылась в зимнем саду и застала там сего теvтонского исследователя крови и народных преданий за продолжительным разговором с особой из нашего круга».

На фоне жаркого гнева, вспыхнувшего в груди при первом же воспоминании обо всех друзьях, преданных, а то и убитых Эшером ради блага родины, ему явственно вспомнился и Хорис Блейдон, непоколебимо уверенный, будто разбирается в вампирах вполне достаточно, чтоб совладать с собственным творением. Той же непоколебимой уверенностью отличались и все чиновники Форин-офиса, каких Эшер только встречал. Ни один ни секунды не сомневался: уж он-то точно знает, что делает, а посему результат в полной его власти, – и те, кто работал в берлинском Аусвертигес Амт¹¹, их настроения, очевидно, разделяли вполне.

«Нет, с рук моих весь океан Нептуна не смоешь кровь»...¹²

В эту минуту Эшеру сделалось ясно: ручьи и озера крови, преследовавшие его во снах, пролиты вовсе не Исидро, а им – им самим. Им самим, по распоряжению людей, клявшихся, будто знают, что делают, а он, дурачина несчастный, верил их клятвам...

Подняв голову, он взглянул прямо в холодные, нечеловеческие глаза вампира:

– Насколько я понимаю, вам нужно, чтоб я отправился в Санкт-Петербург?

– Джеймс, дорогой мой, вас одного петербургский хозяин сожрет по пути от вокзала к отелю, – ответил вампир. – Я хочу, чтоб вы составили мне компанию.

– Когда?

– В понедельник, если успеете подготовиться.

¹¹ *Аусвертигес Амт* (нем. *Auswärtiges Amt*) – Министерство иностранных дел Германии.

¹² У. Шекспир, «Макбет» (пер. Ю. Б. Корнеева).

Разумеется, Уиллоуби, узнав, что ему под конец семестра придется искать преподавателя, способного прочесть заключительные лекции по фольклористике и филологии, придет в ярость. С другой стороны, декан Нового Колледжа что ни день раздражал Эшера этими вечными подмигиваниями, толчками в бок и прочими намеками: он-де прекрасно знает, что его преподаватель филологии даже не думал разрывать таинственной связи с Форин-офисом... В один прекрасный день простодушие этого типа погубит его.

Между тем взгляд, устремленный на Эшера из-под прямых белесых ресниц, от него отнюдь не укрылся. Что это? Любопытство? Не думает ли Исидро, что он завершит разговор отказом, проявив куда больше упорства?

Или вампир просто ждет от него много большего возмущения по поводу Лидии?

– Приготовления я предоставляю вам, – сказал Эшер. – Вы лучше знаете, что вам требуется, а мне, помнится, некогда дали понять, что для ночных охотников готов... стол и ночлег в любом крупном городе.

В уголке губ Исидро, слегка примятых кончиками клыков, мелькнуло нечто вроде улыбки.

– Утверждать подобное я бы, пожалуй, не стал. Несомненно, вы сами прекрасно знаете, что в любом крупном городе действительно найдется... «стол и ночлег» для любого гостя с особыми надобностями – и большими деньгами. Ну а наше дело – выяснить, что ему, собственно, требуется. Нам, охотящимся в ночи, необходимо знать все возможное о тех, с кем мы сосуществуем бок о бок, будь то влюбленные или убийцы, грабители или шпионы. Кстати, хорошо ли вы знаете Петербург?

– Бывал там лет этак семнадцать назад. А вы?

Вместо ответа «нет» Исидро только слегка качнул головой:

– Для Неупокоенного путь туда слишком далек и опасен.

Казалось, он собирается сказать еще что-то – поведать, отчего леди Ирен Итон называет его «дражайшим Симоном» и как англичанку угораздило стать одной из вампиров, да не где-нибудь, а в далекой, блистательной арктической Венеции...

...И тут, стоило Эшеру на секунду утратить бдительность, вампир коснулся мыслью его разума, а после Эшер, от неожиданности не в силах перевести дух, пришел в себя на мостовой Прайд-стрит, прямо напротив Паддингтонского вокзала. Очнувшись, он чуть диковато огляделся вокруг, хотя прекрасно понимал, что Исидро, уходящего прочь сквозь туман, в озаренной светом газовых фонарей уличной толчее не увидит.

Но той же ночью, заново переживая все происшедшее во сне, за миг до того, как еще раз очнуться от транса наподобие сна наяву, он – ведь глаза его были открыты, – кажется, смог разглядеть неподалеку Гриппена в окружении всего выводка. Поблескивая глазами во мраке, хозяин вампиров Лондона и его рабы пристально наблюдали за ним из пасти проулка, густо затянутого туманом.

Глава третья

До Санкт-Петербурга добрались в два дня.

Во время прежних визитов в Германию Эшер брился начисто, а в Южной Африке отпустил бороду. Вечером накануне отбытия в Лондон он выбрил темя, а остатки волос и усы выкрасил в черный цвет с прожилками седины. Лидию его вид насмешил до слез, однако когда путешественники – с горой багажа, включая сюда и гробоподобный чемодан Исидро о двух крышках, – делали пересадку в Берлине, Эшер чувствовал себя хоть немного спокойнее.

Берлин... «Заграница», как выражались служащие Департамента. Вражеская территория, даже если у короля заключены соглашения с тем, кто тут за главного. Для Департамента «заграница» являлась неприятельской территорией всегда, по определению.

Вдобавок в Берлине многие, многие знали его под именем герра профессора Игнациуса Лейдена...

И некоторые из этих многих вполне могли задаться вопросом, отчего это герр профессор столь внезапно пропал из виду по завершении Южно-Африканской войны.

Исидро покинул купе в вагоне первого класса за несколько миль до Берлина – к тому времени снаружи стемнело, а поезд на полном ходу мчался сквозь безотрадные чащи прусских сосновых лесов, мимо крохотных серых прусских деревушек и ферм – и лишь заполночь, после того как Эшер, наняв таксомотор, проследовал от Потсдамского вокзала, с Кенигсгразерштрассе, к Штеттинскому вокзалу по ту сторону реки, после проверки проездных документов, после того как санкт-петербургский поезд отошел от перрона, молча вошел в купе, уселся напротив и развернул «Ле Темпс».

– А знал ли о вашем приезде хозяин Берлина? – спросил Эшер, отложив в сторону свежую «Норддойче Альгемайне Цайтунг».

В памяти сами собой всплыли встречи с хозяевами других городов: холодная, ожесточенная дама, правившая парижским гнездом, и жуткая, необычайно темная тень, от которой он едва-едва ускользнул в Вене...

И, разумеется, белесый константинопольский ужас, до сих пор нет-нет да являвшийся ему в сновидениях.

По сравнению с этими встречами опасения наткнуться на кого-либо из Аусвертигес Амт, запомнившего его в лицо, безнадежно меркли, превращаясь в сущие пустяки.

– Я никому ни о чем не сообщал, – ответил Исидро, переворачивая страницу. – А поскольку я не так глуп, чтобы охотиться в чужих угодьях, полагаю, хозяин Берлина всего лишь понаблюдавал за моим появлением и отбытием, а может, и это счел лишним. Он славится тем, что сидит в пещере, будто паук, пока кто-либо не привлечет его внимания – а это, как всем известно, весьма неразумно. Как бы там ни было, я о внимании с его стороны не осведомлен, – подытожил он и свернул газету.

– А ваша подруга? – после долгих колебаний (доводилось ли до него хоть кому-нибудь ободрять Мертвого?) спросил Эшер. – Сумеете ли вы отыскать ее при помощи сновидений, когда мы доберемся до русской столицы? Сумеете ли узнать, что с ней стряслось, что ей помешало ответить?

Исидро молчал так долго, что, зная он старого вампира несколько хуже, Эшер наверняка счел бы его молчание оскорбительным. Вампир поглощал газетные строки неторопливо, чувственно, точно смакуя сабайон¹³ в «Савое», как будто мог чувствовать вкус умов и душ тех, о ком рассказывалось в статьях.

– Не знаю, – спустя немалое время ответил он.

¹³ *Сабайон* (иногда «забайоне») – национальный итальянский десерт, крем-мусс из яичных желтков, вина и сахара.

– Так, значит, во время вашего знакомства в Англии она еще не принадлежала к вампирам?

– Нет.

– Выходит, она не из ваших «птенцов»?

Исидро поднял взгляд. На миг – пожалуй, за столь краткий миг сам Ангел Смерти едва успел бы взмахнуть крылом – Эшеру показалось, будто вампир готовит пространный ответ, однако тут он просчитался.

– Нет, – только и ответил Исидро. В голосе его слышался холод, достойный арктических льдов.

«Стало быть, узнать, КТО из германских ученых связался с Неупокоенными, от нее, возможно, не выйдет, – подумал Эшер. – Как и выяснить, далеко ли он успел продвинуться и в каком направлении».

Спустя пару часов (прибалтийские леса все еще укрывала непроглядная тьма) Исидро вручил Эшеру листок бумаги с двумя адресами, прибавил к нему чек банка «Лионский кредит» на пять тысяч франков и снова бесшумно выскользнул в коридор.

Путру, без пяти восемь, на уличных мостовых еще белели кляксы грязного снега, в серо-стальных водах канала под строем угрюмых зданий покачивались, приплясывали на волнах ломающиеся льдины, Эшер сошел с поезда на перрон одного из вокзалов русской столицы, носящего несколько сбивающее с толку название «Варшавский». Столичные кебмены, *izvozchiki*, и носильщики в овчинных тулупах до пят кучками жались к разложенным на перекрестках кострам; в воздухе веяло угольным дымом, подгоревшим хлебом и кислой шерстью. Казалось, обрывки русской, французской, германской и польской речи витают над головами кутающихся в шарфы, спешащих по платформам пассажиров, словно крохотные облачка, и Эшера охватило странное, острое возбуждение – нет, не страх, однако нечто сродни.

«Заграница».

«Заграница», где все вокруг обретает необычайную четкость, каждый цвет ярок, в каждом запахе чувствуются нотки опасности. Где каждый звук что-то да значит, а кровь в жилах словно наэлектризована... вот только на самом деле, как это ни грустно, как ни прозаично, кровь в жилах просто насыщается адреналином, что, по словам Лидии, является обычной реакцией эндокринной системы на стресс.

Вскоре Эшеру вспомнилось также, каково это – любить заграничные вояжи.

Два дня кряду читал он «Войну и мир», дабы освежить в памяти изрядно заржавевший русский и без затруднений объясняться с носильщиками и кебменами. Не так давно начался Великий пост – однако Эшер прекрасно знал, что светская жизнь в Санкт-Петербурге хоть сколько-нибудь приостановится разве что для царя и его набожной императрицы. Неспешно, скользя и подпрыгивая на ухабах, кативший сквозь мгlistый утренний полумрак по первому из адресов, к небольшому особнячку близ Смольного монастыря, грузовой экипаж то и дело обгоняли кареты и автомобили столичной знати, разъезжающей по домам после обычных, весьма далеких от благочестия петербургских вечерних приемов. Разноцветная штукатурка городских зданий выделялась на фоне серебристой серости утра, словно весенние цветы – бледно-зеленые, лимонно-желтые, небесно-голубые, и все это окаймлено белым, точно пирожные в стиле рококо – глазурью. Невзирая на ранний час, панели уже заплотили чиновники, клерки и армейские офицеры в средних чинах, целеустремленной походкой людей, опасющихся показаться начальству не слишком-то радеющими о благополучии своих ничтожных департаментов, спешащие (спешат петербуржцы всегда) из канцелярии в канцелярию, из кабинета в кабинет, согласно законам извечного коловращения российской бумажной волокиты. Над головой, в сыром тумане, заунывно, пронзительно перекликались чайки.

Одним словом, Санкт-Петербург не изменился ничуть.

Распорядившись снести чемоданы и кофры в довольно мелкий – однако непроглядно темный, без единого оконца – подпол особняка, Эшер запер дом на все замки, нанял другой кеб и велел отвезти себя по второму адресу, в отель под вывеской Les Meublées L'Imperatrice Catherine¹⁴ на набережной Мойки. Там он извлек из сакvojа обшитые частoj сеткой гирлянды сушеного чеснока и шиповника – растений, как всем известно, причиняющих Неупокоенным серьезный дискомфорт, оплел ими окна и лег спать, наказав горничной к десяти подать ему завтрак и приготовить ванну. Несмотря на все предосторожности, спалось ему неважно.

– Путешествуем мы нечасто, – некогда рассказывал ему Исидро. – Путешествующий вампир – тот, кто от малейшего прикосновения солнечного луча вспыхнет неугасимым огнем, – неизменно предвещает грядущие пертурбации. Перемены. А каких-либо перемен, если на время забыть о территориальных претензиях хозяев, никто из нас не любит и не желает.

Следовало полагать, именно это и побудило Исидро расстаться с Эшером в Берлине. Опыт его собственных столкновений с хозяевами Парижа и Вены свидетельствовал, что любой из них, скорее всего, прикончит человека, сопровождающего заезжего вампира, без лишних раздумий – скажем, затем, чтобы тот не предал их существование широкой огласке или просто чтобы дать незваному гостю понять: чужих, дескать, здесь не потерпят.

При определенном везении Исидро отыщет хозяина Санкт-Петербурга и наладит с ним отношения сегодня же ночью, до новой зари.

Тем временем самому Эшеру предстояло отыскать собственных «хозяев».

В Санкт-Петербург он приезжал так давно, что найти кого-либо из старых знакомых в посольстве не рассчитывал. Вдобавок, учитывая нынешнее состояние международных дел, за роскошным особняком на набережной Невы наверняка круглые сутки следят германские шпионы, а после фиаско в Южной Африке он просто не мог бы с уверенностью сказать, каким образом посольские умники распорядятся полученными от него сведениями. Вместо этого Эшер после позднего завтрака из кофе с булочками отправился в довольно убогие кварталы к северу от канала: там, на одной из боковых улочек, держал табачную лавку некто, якобы носящий фамилию Эрвье.

– Боже правый, Эшер, да ты ли это?! – воскликнул хозяин, якобы уроженец Швейцарии, после того как единственный покупатель ушел и оба покончили с обычным вступительным диалогом насчет вирджинских сигар.

Эшер подмигнул лавочнику из-за стекол пенсне:

– Последние годы уж очень нелегкими выдались...

– Нелегкими? Скажешь тоже! Будь они вправду нелегкими, ты бы не хуже моего облысел, – парировал Эрвье (во святом крещении – Макэлистер), похлопав себя по розовому, глянцеvито блестящему темени, – а твоей шевелюре любой школьник еще позавидует! К тому же я слышал, на Фирму ты больше не трудишься.

Эшер, сощурившись, взглянул ему прямо в глаза.

– И не ослышался, – в весьма многозначительном тоне подтвердил он. – С Уайтхоллом я больше никаких дел не имею и иметь не хочу.

– А в Петербург, значит, так, для поправки здоровья?

– Именно.

– Ага, разумеется, зимой тут, за полярным кругом, как раз самый курорт. Где остановился?

– Весточку мне можно оставить в заведении Флекова.

Всякий работавший в Санкт-Петербурге довольно быстро выяснял, что половиной книжных лавок, кафе и газетных киосков заправляют мелкие буржуа, за пару лишних копеек гото-

¹⁴ «Меблированные комнаты “Императрица Екатерина”» (*фр.*).

вые служить «почтовыми ящиками» хоть самому Сатане. Заведение Флекова находилось на Вознесенском проспекте, достаточно далеко от «Императрицы Екатерины», чтоб вовремя заметить увязавшийся следом хвост. Вдобавок на слежку за каждым «почтовым ящиком» в городе не хватит денег даже у германцев.

– Только учти: там я представился Вебером.

Отнюдь не новичок в Департаменте, интересоваться, как он назвался владельцем гостиницы, Эрвье даже не подумал.

– В посольстве теперь кто за главного? – спросил Эшер.

С этого вопроса начался привычный, приятный своей обыденностью разговор накоротке, точно такой же, как в старые добрые времена. Что представляет собой новый шеф? Кто из германцев нынче в городе? Стали ли русские хоть сколько-нибудь расторопнее, чем в девяносто четвертом? (Как же, держи карман шире!) А тайная полиция по-прежнему нос всюду сует? А с Революцией как? Назревает или же выдохлась с учреждением Думы?

Расспрашивать о германских ученых он не рискнул: одному богу известно, что натворят бездари из Департамента, начав наводить справки, и чем их бездарность аукнется, а вот прощупать почву – дело совсем другое.

– А как дела выглядят из Лондона? – в свою очередь спросил табачник. – Посольские мне передают кое-что, но все это выхолощено цензурой, а дипломаты, как обычно, держатся в рамках и против Страны Отцов словечка не скажут, и потому я всякий раз думаю: не врут ли мне, часом?

– Они идиоты, – резко ответил Эшер. – И врут, разумеется, тоже. Всем нам врут. Британия строит линкоры нового класса, и потому германцы строят такие же. Германия обзаводится девятидюймовыми пушками, значит, и Франции нужны пушки не хуже, иначе ей конец. А всякому напоминающему, что война между нашей и их коалициями обернется Армагеддоном, бойней невиданного масштаба, ответ один: «Что ж, мы должны защищать свои интересы за рубежом», – или, помоги нам Господи: «Дем дойчен георт ди вельт»... мир-де принадлежит немцам... Да, «нам нужны территории, пусть даже принадлежащие иностранцам, дабы ковать будущее согласно нуждам нации», сказано в Германии, но с тем же успехом это мог бы сказать и Асквит¹⁵, и любой другой из парламентских недоумков. «Война придает человечеству сил!» «Избави Бог нас от жизни в мире, утратившем мужество, боевую закалку!» А кто ратует за мир или заговорит о том, как избежать этой самой «боевой закалки», тот, ясное дело, социалист, либо вырожденец, либо у немцев на жалованье. Уф... прошу прощения, – добавил он, покачав головой. – Поездки через Францию и Германию вечно действуют на меня...

– Это все газетчики, – вздохнул Эрвье, успокаивающе накрыв руку Эшера огромной, поросшей рыжим волосом лапидарной. – Начитаются люди, и... Конечно, писанина их – чушь собачья, но людям-то этого не докажешь. К тому же врут нам или нет, а если германцы на нас навалятся по какой угодно причине, сам понимаешь, придется драться. А если так, что мы тут можем поделаться?

– В самом деле, что? – прошептал Эшер, крепко стиснув ладонь Эрвье. – Спасибо.

– Еще что-нибудь мне знать нужно?

– Прямо сейчас ничего такого сообщить не могу.

Сощутив ярко-голубые глаза, Эрвье смерил Эшера пристальным взглядом. Разумеется, прорехи в предоставленной информации от него не укрылись, однако он понял все верно, как мог бы понять только причастный к Секретной Службе Короны.

– Тогда – за короля и родину.

– За короля и родину.

¹⁵ Герберт Генри Асквит – премьер-министр Великобритании с 1908 по 1916 г.

Небрежно отсалютовав старику, Эшер поглубже надвинул на бритое темя подбитую мехом шляпу и вышел из тесной, душной лавчонки навстречу студеному серебристому дню.

«Что мы тут можем поделать?» – подумал он, уворачиваясь от проходящего мимо разносчика, весьма напоминавшего с виду гигантский ком старого тряпья, а над головой, словно боевое знамя, несшего шест, увешанный гроздьями рукавичек всевозможных цветов. Слова эти казались колесом палача, на котором ломали не тело – самую душу Эшера, однако теперь он по крайней мере знал, что в городе есть хоть кто-то из Департамента прежних времен, тот, кто, не получив от него вестей, начнет розыски, и от этого на сердце сделалось немного спокойнее. Вдобавок после разговора с Эрвье он, как ни странно, снова почувствовал себя самым собой.

Кроме того, отвращение к поездке с Исидро и к Исидро вообще приняло несколько иной вид, утратило остроту, хотя легче для понимания не сделалось ни на йоту. Быть может, все дело в том, что вампир губил жертвы поодиночке, тогда как Германия и Англия с Францией предлагают отправить их на погибель гуртом? Быть может, сие обстоятельство видоизменяет их грех человекоубийства? А может, делает партнерство с вампиром несколько чище или грязнее сотрудничества с Форин-офисом?

Этого он не знал.

«За короля и родину...»

Как Эшер возненавидел эти слова!

Глава четвертая

В семь Эшер, переодевшись, пристегнул на предплечье, под рукав свежей рубашки, ножны, изготовленные на заказ в Китае, однако вместо потайного клинка, который носил в те дни, вложил в них серебряный нож для конвертов, наточенный загодя поострее, насколько позволил мягкий металл. Возле Военно-инженерной академии отыскалось кафе, где за рубль ему подали ужин из *zakuski*, борща и русского «караванного»¹⁶ чая, отдающего пряным дегтярным дымком. В углу небольшого зала жарко пылала старинная изразцовая печь, но возле окон сиделось будто под открытым небом студеным весенним утром где-нибудь в Оксфорде – однако Эшер занял один из крохотных столиков у окна и принялся наблюдать за толпой прохожих, текущей сквозь предвечерние сумерки мимо, через площадь перед Михайловским замком. Гимназистки со светлыми локонами, выбивавшимися из-под шалей и шляпок, задевали локтями оборванных женщин, работавших на папиросных фабриках, в швальнях и в мастерских, где тачают сапоги для солдат. С севера от реки (по-местному – на Выборгской стороне) и с востока от центра Санкт-Петербурга, застроенного миловидными особняками восемнадцатого века, столицу полукольцом окружали заводы и фабрики, снабжавшие самую многочисленную армию мира пушками, броненосцами, шинелями, сапогами, походными шатрами и так далее, вплоть до пуговиц. Позади заводов и фабрик тянулись вдаль лабиринты трущоб – обширнейших, грязнейших, беднейших во всей Европе.

Насколько изменились они за семнадцать лет – с тех пор как Эшер был здесь в прошлый раз? Очевидно, разве что самую малость, как и центр города. Хитросплетения немощеных улиц, застроенных грязными, убогими хижинами, рабочие кварталы едва не достигают окрестных деревень; а воздух трущоб и грязный снег под ногами пропахли угольным дымом и нечистотами так, что запах доносится даже сюда...

Ну а внутри этого пояса нищеты сосредоточены канцелярии тысяч и тысяч мелких правительственных учреждений – канцелярии церкви, канцелярии, управляющие каждой губернией, каждой областью деятельности, надзирающие за железными дорогами и военными закупками, за образованием и финансами, и, разумеется, за евреями. Клерки в застегнутых на все пуговицы шинелях, дрожащие, будто Боб Крэтчит¹⁷, спешат успеть на трамвай, шлейфами волоча за собой пар изо рта и ноздрей. Студенты, жмущиеся к краю панели, суют в руки встречных скверно отпечатанные прокламации с призывами на митинги или к революции. Во весь голос вопят старики, торгующие вразнос горячими пирогами и чаем, передниками, ножницами, зонтиками, поношенными башмаками. Серолицые, неприметные, точно тени, агенты Третьего отделения¹⁸ украдкой записывают все, что видят вокруг.

Дневной свет угасал. К десяти вечера снаружи совсем стемнело, и Эшер, покинув кафе, направился к холодному электрическому зареву над Невским проспектом, ведущим в сторону реки.

– Я имел разговор с хозяином Санкт-Петербурга, – раздался над ухом негромкий, спокойный голос Исидро. – Ни он, ни кто-либо из его выводка не видел леди Ирен с февральского полнолуния.

¹⁶ Имеется в виду классическая чайная смесь, поставлявшаяся из Китая к императорскому двору Российской империи, обычно состоявшая из улуна, кимунга и лапсан сушонга. Считалось, что характерный дегтярно-копченый аромат последнего смеси приобретает от дыма костров, во время доставки в Россию верблюжьими караванами.

¹⁷ *Боб Крэтчит* – персонаж повести Чарльза Диккенса «Рождественская песнь в прозе», клерк из конторы лондонского ростовщика Эбенизера Скруджа.

¹⁸ *Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии* – высший орган политической полиции Российской империи в правление Николая I и Александра II, осуществлявший надзор за политически неблагонадежными лицами.

В призрачном синеватом свете уличных фонарей изо рта его не вырвалось ни струйки пара. Имя леди Ирен он произнес так, точно вовсе с ней не знаком.

Точно вовсе не он проделал путь длиной в тысячу восемьсот миль, рискуя жизнью, дабы выяснить, что с ней случилось.

– А тот человек, которого она видела на приеме у Оболенских перед исчезновением?

– По словам графа Голенищева, хозяина Санкт-Петербурга, ни один из его «птенцов» не обладает столь дурным вкусом, чтоб заинтересоваться германским купчишкой, пролезшим в высшее общество, ради чего бы то ни было, помимо его крови, и не дерзнет посетить бал у Оболенских или еще у кого-либо иначе как в его, Голенищева, сопровождении. Еще он сказал, что не знает никого из живых, с кем леди Ирен состояла бы в дружбе, как некоторые из Неупокоенных. Подобно всем нам, она предпочитала наблюдать за ними со стороны.

– Вы ему верите?

Исидро задумался.

– Не вижу причин не верить, – после продолжительной паузы отвечал он. – Понимаете, ни кайзер, ни любой другой монарх не в силах предложить хозяину вампиров почти ничего такого, что тот мог бы без опасений принять, а с виду он казался вполне готовым поведать мне все, что знает. О том, что мы ищем ученого или врача, я ему не сообщил.

– Разрешено ли нам навестить ее резиденцию?

– Разрешено.

Исидро брезгливо ткнул пальцем, обтянутым серой лайкой, в меховую полость тесной, пахучей повозки подозванного ими кеба, однако от использования ее по назначению предпочел воздержаться. Следовало полагать, точно так же вампир поступил бы, даже не обладая невосприимчивостью к вечерней стуже.

– Через неделю после ее пропажи, – продолжил Исидро, сбросив с узкого плеча лямку изрядно увесистого ранца, – Голенищев проник к ней в дом, но, по его словам, следов нападения или какого-либо несчастья, да и вообще хоть какого-то беспорядка не обнаружил. И полагает куда более вероятным, что она, по примеру многих из петербургской знати – как живых, так и Неупокоенных, – попросту отправилась в Крым.

– Но наверняка он этого не знает?

– Нет.

– Выходит, она не из его «птенцов»?

– Леди Ирен была здесь, можно сказать, чужой, – ответил Исидро, щуря желтые глаза и глядя наружу так пристально, будто действительно мог разглядеть сквозь изморозь на оконном стекле расплывчатые силуэты припозднившихся прохожих, дрожа от холода, спешивших куда-то вдоль главной улицы города. – В Россию она приехала после поражения Наполеона, а к вампирам ее приобщил бывший хозяин столицы, имевший несчастье погибнуть во время поездки в Крым лет этак шестьдесят тому назад. Крестьяне в тех краях куда примитивнее, проще жителей Петербурга или Москвы, а посему, заподозрив неладное, действуют без промедлений.

Судя по тону, сие обстоятельство если и огорчало его, то не слишком.

– Некоторые из хозяев, – помолчав, продолжал он (и тут Эшер отметил, что голос вампира звучит с легкой, едва уловимой запинкой), – чувствуют гибель «птенца». Не все – Гриппен уж точно не чувствует. А Голенищев во власти над городом еще новичок и собственным хозяином был выбран благодаря скорее деньгам и связям, чем остроте ума. Но леди Ирен, хоть и старше, оспаривать его первенства не пыталась. И обзаводиться собственными «птенцами» не дерзала тоже.

– Так же как вы никогда не оспаривали власти Гриппена над Лондоном?

В желтых, как сера, глазах под вуалями прямых белесых ресниц мелькнуло нечто наподобие пренебрежения.

– Гриппен из протестантов.

Презрение в голосе Исидро означало, что этим все сказано.

«Все... или хоть что-нибудь», – с досадой подумал Эшер.

– Как бы там ни было, – продолжил Исидро, сочтя ответ вполне достаточным, – петербургское гнездо не из многочисленных, а причиной сему значительное неудобство: два месяца в году охота здесь невозможна, а еще два – сопряжена с немалым риском... Однако вот мы и на месте.

Покинув кеб, оба оказались на уютной, ухоженной улице, застроенной особнячками и небольшими дворцами, принадлежащими местной знати, – следовало полагать, где-то неподалеку от временной резиденции Исидро. Вдоль одной ее стороны дома теснились друг к другу на лондонский манер, а напротив вольготно расположились посреди обнесенных фигурными решетками садилов несколько вилл. В дальнем конце улицы светилось оконце будки привратника. Все прочие окна были темны.

Вампир вскинул на плечи ранец, пересек мостовую, уверенно подошел к последнему из шеренги особнячков и извлек из кармана пальто латунный ключ от современного английского замка. Сам особняк располагался довольно высоко, а вот подвал его – ведь строился Петербург на болотах, – очевидно, был неглубок. К дверям вела лестница из разноцветного – ступень черная, ступень розовая – мрамора. Проходящая мимо женщина, в блеклых, убогих бедняцких отрепьях, подняла на них взгляд. Случайно оглянувшись, Эшер заметил, как она растопырила пальцы «козой», отгоняя нечистого, тут же принялась осенять себя крестным знаменем и так, мелко крестясь на ходу, поспешила прочь.

Впустив Эшера в прихожую, Исидро затворил за обоими дверь. Сквозь неприкрытые ставнями окна внутрь падали отсветы газовых уличных фонарей. Вампир вынул из ранца два небольших потайных фонаря и коробок спичек.

– Разве леди Ирен, уезжая в Крым, не распорядилась бы завесить окна ставнями? – спросил Эшер, следуя за доном Симоном в вестибюль.

– Учитывая количество бедняков в Петербурге, проклятие или не проклятие...

До этого Эшер даже не подозревал, что вампир заметил проходившую мимо женщину.

– ...полагаю, сей предосторожностью она бы не пренебрегла. К охране имущества – особенно драгоценностей – она относилась весьма и весьма серьезно.

Прикрыв фонарь заслонкой, вампир опустил его книзу, ничуть не заботясь о том, куда направлен луч, но Эшер поднял свой фонарь повыше. Полоска света выхватила из темноты фрагменты порфиновой инкрустации, разноцветный мрамор, позолоченные фигуры атлантов вдоль стен. Пол оказался застлан множеством восточных ковров – персидских, турецких, обюссонских, один поверх другого. Казалось, ножки изысканной чиппендейловской мебели утопают в цветастых коврах по колено. Задернутые занавеси из бархата оттенка мха украшали темно-фиолетовые с золотом шнуры и кисти. Блеснувший в луче фонаря серебряный samovar величиною с котел паровой машины покрывал тонкий слой изморози.

– А не могла ли леди Ирен увидеть у Оболенских самого графа?

– Вряд ли.

Миновав вестибюль, Исидро двинулся дальше, через обеденный зал. Стол красного дерева гостей этак на пятьдесят... а цветам в вазах всего день-другой: очевидно, распоряжений, отданных дневным слугам, хозяйка не отменила.

– Тот вечер он, по собственным словам, провел в опере, на костюмированном балу, в сопровождении двух «птенцов» – правда, те двое тоже могли солгать. Однако его высказывания о германцах, которых он, подобно многим русским, и вполне справедливо, терпеть не может, кажутся абсолютно искренними.

Присмотр за кухней в обязанности дневных слуг, по-видимому, не входил. Кухней не пользовались вот уж который десяток лет: все шкафы и полки давным-давно пустовали. Вероятно, передние комнаты были устроены только для виду или на случай, если хозяйке захочется

вспомнить о прежней, человеческой жизни. Имелся здесь даже водогрейный котел с некоторым запасом угля, чтоб миледи могла принять ванну.

– Как я уже говорил, предложить хозяину вампиров, особенно вампиров столь крупного города, где трущобы настолько обширны, а судьбами бедняков ни власти, ни даже владельцы заводов не интересуются совершенно, кайзеру почти нечего.

Шаги Эшера отдавались под потолком далекой капелью. Невесомая, словно поступь Вергилия в «Аду», походка Исидро не оставляла в царящей вокруг тишине ни следа.

– Понимаете, крестьяне из русских деревень в вампиров верят, однако городских жителей убеждают, будто подобных созданий в природе не существует, и, кроме того, горожане давно знают: жалобщик немедля привлечет к себе внимание Третьего отделения, а ничего хорошего от этого ждать не приходится.

Из кухни Исидро направился вниз, в подвал. Эшер, подняв повыше фонарь, последовал за вампиром, хотя ничего, кроме пустого гроба посреди потайной комнаты – куда петербургский хозяин, невзирая на всю свою уверенность в скоропалительном отъезде пропавшей леди Ирен в Крым, наверняка заглянул первым делом, – увидеть там не ожидал.

Размеры подвала Эшер примерно оценил еще снаружи, оглядев венчавший его особняк (служба в Департаменте, подобное приходится проделывать сплошь и рядом), и догадался, где выгорожена потайная комната, еще до того, как Исидро подошел к ее двери, загороженной штабелем ящиков. Изрядно тяжелые, в болотной сырости полуподвала ящики вдобавок примерзли к полу, однако благодаря сверхъестественной силе вампира Исидро без труда отодвинул их в сторону и отпер замок узкой дверцы. Пронзившие непроглядную тьму лучи потайных фонарей осветили пустой гроб со сдвинутой крышкой на фоне глухой кирпичной стены.

Ни следов пламени, ни пятен крови на экстравагантной обивке из белого атласа не оказалось. Кроме гроба да льда, покрывавшего вымощенный кирпичом пол, в комнатке не обнаружилось ничего. Ничего неожиданного, ни малейших намеков на суть происшедшего, хотя Исидро, на миг задержавшись у гроба, провел пальцами по атласной обивке. Казалось, он о чем-то спрашивает темноту или рассчитывает обнаружить на белой ткани некую надпись.

Однако секунду спустя вампир отвернулся от гроба и беззвучно выскользнул за порог.

Эшер двинулся за ним следом.

– Леди Итон была женой дипломата? Или просто неудачливой путешественницей наподобие вас?

Исидро искоса взглянул на него. В луче фонаря глаза вампира сверкнули, словно кошачьи.

– Я ведь, – продолжал Эшер, – и представить себе не могу, чтоб вы, оставив Мадрид в 1555-м, дабы почтить присутствием церемонию венчания вашего короля с королевой Английской, рассчитывали встретить в Лондоне одного из вампиров и вынужденно задержаться там на несколько сотен лет.

– Нет.

В уголке губ вампира, словно царапина от иглы, мелькнул едва различимый призрак кривой, а может, слегка удивленной улыбки, и тень, сгустившаяся на его лице, пока он стоял возле гроба, отступила.

– Нет, не рассчитывал.

В гостиной Исидро выдвинул ящики барочного письменного стола – умопомрачительно тонкой работы, из черного дерева, инкрустированного перламутром – и, будто случайно загордив их от Эшера узким плечом, принялся извлекать изнутри связки писем.

– После, – продолжал он, – мне рассказали, что вампиров предостаточно и в Мадриде, и в моем родном Толедо. Благодаря безрассудному пристрастию к ночным прогулкам я с тем же успехом мог бы попасться кому-то из них и там. Вероятно, в Мадриде и Толедо рассудили, что меня непременно хватятся.

Через его плечо Эшер сумел разглядеть почерк – витиеватую писарскую вязь шестнадцатого столетия. Стопки за стопками писем, аккуратно перевязанных лентами... Время от времени дон Симон останавливал взгляд на датах: апрель 1835-го, ноябрь 1860-го – да Эшер в те времена даже еще не родился! А от письма, датированного днем его рождения в тот самый год, когда он был отправлен в Йорк, в эту ужасную закрытую школу, в год смерти родителей, словно бы вдруг повеяло слабым, давным-давно выветрившимся, но все еще различным ароматом пачулей... Подумать только: Исидро писал это письмо тем самым вечером!

– А она – да, она была замужем за дипломатом, – продолжал вампир, выдвигая ящик за ящиком, будто бы в поисках более богатой добычи.

Стопки писем потоньше, с адресами, написанными разными почерками, он небрежно бросал на угол стола, поближе к Эшеру. Счета, приглашения, памятная книжка, расходы на содержание дома...

– Счастья в браке она не нашла, но, думаю, супруг доставил ей немалое удовольствие, став одной из первых же ее жертв. Такое случается нередко. Нередки, впрочем, и случаи, когда новообращенные берут в «птенцы» – либо просят хозяина взять в «птенцы» – осиротевшего мужа, жену или возлюбленную, напрасно надеясь, что те останутся с ними навеки.

– Напрасно?

Распихав корреспонденцию по карманам долгополого черного пальто, Эшер уселся на край стола. Тем временем Исидро начал изучать, ощупывать, простукивать розовые с позолотой (стиль Людовика XIV) стенные панели в поисках тайников или еще каких-нибудь секретов. Наблюдая за доном Симоном, Эшер не забывал вслушиваться в тишину на лестнице и снаружи. Еще не хватало, чтоб петербургская полиция арестовала его за кражу со взломом!

– Дело в том, что вышеупомянутому мужу, жене или возлюбленной крайне редко искренне хочется стать вампиром.

Завершив обход комнаты, Исидро оглянулся и подобрал оставленный у порога фонарь.

– Как правило, им не хватает воли пережить превращение – вверить хозяину и душу и разум, оказаться в объятиях его сознания, – иллюстрируя объяснение, длинные пальцы вампира сомкнулись в кулак, будто лепестки странного блеклого цветка, пожирающего изловленную муху, – а после вернуться в собственное тело после смерти оно. Бывает также, что вампиры из них выходят весьма неумелые, отчего их существование не затягивается надолго. Ну а вампир, пожелавший взять их с собою в Вечность...

Сухой, негромкий шепот Исидро казался пылью, оседающей на пол, на стены комнаты, запертой многие годы.

– Вампир, пожелавший взять их с собою в Вечность, к тому времени обычно теряет к ним интерес. Случается, Любовь побеждает Смерть, но одолеть эгоизм, без коего невозможно смириться с убийством других ради продления собственной жизни, ей не удастся почти никогда.

Проследовав в овальный вестибюль первого этажа, вампир направился к плавно изогнутым лестницам, ведущим наверх, в темные спальни.

Украшенная бархатными фестонами пещера опочивальни, затем гардеробная почти такой же величины – ряды кипарисовых шкафчиков, туалетные столики, покрытые мутью изморози зеркала... Распахивая дверцы одну за другой, осматривая все полки, все уголки, Исидро продолжил поиски. Судя по местам, привлекавшим его внимание, искал он нечто совсем небольшое.

Все платья на вешалках были пошиты по моде этого года: розовато-лиловое с болотной зеленью, модное в прошлом сезоне, уступило место нежно-розовому с серебром совсем недавно. В таких премудростях служащим Департамента следовало разбираться тоже – даже тем, кому не посчастливилось жениться на Лидии. Шляпные полки украшали новейшие из страшилищ, сотворенных парижскими шляпниками, на сей раз (насколько позволял судить свет фонаря) отдавших пальму первенства цвету английской розы.

– Если она и отправилась в Крым, – заметил Эшер, – то ничего подходящего из нарядов с собой не взяла... разве что, помимо всего здесь висящего, у нее имеется совершенно особый летний гардероб. Надо бы заглянуть в кладовые верхнего этажа, проверить, на месте ли чемоданы.

– Полагаю, Голенищев об этом не задумывался ни на миг.

Поглощенный поисками, Исидро даже не оглянулся. Тем временем Эшеру ни с того ни с сего пришло в голову, что в спальне может найтись фотография леди Итон, и он отправился туда, поглядеть – а после так и не понял, как мог совершить подобную глупость. По пути через темную комнату к туалетному столику у кровати ему вдруг сделалось трудно дышать. Нет, ничем новым в спальне не пахло, однако ощущение удушья заставило, несмотря на холод, сдернуть шарф с шеи. Увы, легче от этого не стало – напротив, удушье усилилось. Не то чтоб до дурноты, но...

Ледяная ладонь, зажав рот, развернула в сторону его голову. Другая рывком распахнула воротничок рубашки. Силе пальцев, сомкнувшихся на плечах, позавидовала бы и машина. Будь подстерегшие его вампиры не так жадны либо не так твердо намерены преподать Исидро урок – могли бы без затей вспороть когтем горло и оставить труп Эшера посреди спальни леди Итон, на аксминстерском ковре в пастельных тонах, задолго до того, как дон Симон почует неладное.

Однако им слишком хотелось утолить голод.

А бывать в гнездах вампиров Эшеру уже приходилось.

Рывок, резкий взмах рукой. Едва серебряный клинок из ножен на предплечье скользнул в ладонь, Эшер ткнул им назад, в вампира, схватившего его за плечи, и в тот же миг почувствовал прикосновение ледяного лба к подбородку. Однако напавшая спереди с пронзительным воплем отпрянула прочь – еще бы, цепочка четверного плетения, трижды обернутая вокруг шеи, сожжет любому вампиру и губы, и пальцы. С трудом сохранявший ясность ума, он – скорее инстинктивно, чем осознанно, – рванулся из рук ослабившего хватку противника. Жестоким ударом в лицо, нанесенный неведомо кем, едва не сломал шею, и Эшер, помня о нечеловеческом проворстве напавших, снова взмахнул перед собою ножом...

– Брось его.

Голос Исидро прозвучал резко, холодно, точно щелчок серебряного бича.

Оглушенный, не в силах перевести дух, Эшер рухнул на пол.

– Назад.

Нападавшие – тени в отсветах оброненного Эшером фонаря – отступили. Глаза их мерцали во мраке, точно глаза хищных зверей. Кое-как встав на колени, Эшер поднял фонарь и повернул его донцем книзу: осложнять дело приездом санкт-петербургской пожарной команды было совсем ни к чему. Потрогав шею, он снял перчатку и снова ощупал горло. Нападение, схватка, спасение – все это заняло считанные секунды. Дрожь охватила его только сейчас, задним числом.

– Уж не запомнил ли граф Голенищев упомянуть о моем сегодняшнем визите? – неторопливо, с убийственной мягкостью в голосе спросил Исидро.

– Пошел он в жопу, твой Голенищев! – отрезал молодой человек в тужурке из грубой шерсти.

Подбородок его обрамляла всклокоченная борода, голову венчала студенческая фуражка наподобие флотской. Кривясь от боли, юноша зажимал ладонью кровоточащую колотую рану в бедре. Исидро обращался к нападавшим по-французски, однако ответил студент на русском, в пролетарской манере обитателя фабричных окраин.

Всего их оказалось трое. Одна, девица того же сорта, что и студент, невысокая, коренастая, челюсть – будто волчий капкан, повернулась к темному проему двери в дальнем углу комнаты, однако Исидро велел:

– Стоять.

При этом он не шевельнулся и даже не повысил голоса, и все же девица повернулась к Исидро, словно плечо ее стиснула его стальная рука. На губах девицы вздулись жуткие волдыри – следы серебряной шейной цепочки, в глазах отразились отсветы фонаря, а взгляд... Пожалуй, такой лютой, непримиримой злобы во взгляде Эшер прежде не видывал.

Жизнь его все еще висела на волоске, однако это не помешало отметить: приглашенными на званый вечер в дом одной из знатнейших фамилий империи ни ее, ни студента невозможно было бы даже вообразить.

А вот их спутницу, еще одну девицу, – вполне. Высока ростом, стройна, хрупка с виду, светлые волосы собраны в узел на темени, как у балерин, да и осанка балетная...

Именно она и сказала:

– Голенищев нам не указ.

В ее дрогнувшем голосе явственно слышалось пренебрежение, но не уверенность.

Исидро молчал, холодно, безмятежно взирая на всех троих.

– Голенищев – зажавшаяся свинья, буржуй, толстосум, жиреющий на тяжком труде рабочих! – выпалил студент, едва не сорвавшись на крик.

Эшеру страшно захотелось спросить, когда он в последний раз трудился или хоть пальцем шевельнул, дабы помочь Революции, однако от этой идеи пришлось отказаться. Придвинуться хоть на дюйм к остро заточенному серебряному ножу для конвертов, лежавшему на запятнанном кровью ковре в каком-то ярде от его ног, он не осмелился тоже.

– Насколько я понимаю, – сказал наконец Исидро, – хозяев в Санкт-Петербурге теперь двое?

– Хозяев у нас больше нет!

Снизу все это время не доносилось ни звука, однако во тьме дверного проема возникли мерцающие глаза и мутные, белесые пятна не тронутых солнцем лиц. Кто из четверых вошедших граф Голенищев, Эшер понял с первого взгляда: слишком уж он отличался от остальных спокойным, холодным высокомерием человека, с пеленок властвующего над жизнью и смертью крестьян в своих имениях.

«Предложить хозяину вампиров, особенно вампиров столь крупного города, кайзеру почти нечего...»

Да, человек этот явно считал жизни тех, кого губил ради продления собственного существования, принадлежащими ему по праву – и, как говорил Исидро, обращенный в вампира собственным хозяином благодаря скорее деньгам и связям, чем уму, явно подбирал «птенцов» согласно тем же критериям. Трое из его выводка вошли в комнату следом за ним, точно охотничьи псы.

– Иппо, – заговорил граф, обращаясь к студенту, – немедленно проси мсье Исидро о прощении.

Подобно всем вампирам, когда-либо встречавшимся Эшеру, выглядел он молодо, не старше сорока, и, облаченный в безукоризненно скроенный лондонский костюм, внешним лоском и вкрадчивостью манер не уступал французам.

– Марья, Олюша, вы тоже.

– Плевал я на твоего мсье Исидро! – провозгласил студент. – И на тебя плевал!

На миг Голенищев замер, не сводя взгляда с «птенца». В водянисто-голубых глазах графа полыхнул гнев, безупречные губы в обрамлении золотистой бородки а-ля принц Альберт искривились от ярости. Еще секунда, и студент Иппо, словно увлекаемый незримой рукой, рухнул на колени, а там и на четвереньки, сдавленно выругавшись, пополз к Исидро, простерся ниц и припал губами к его ботинку. Трое «птенцов», явившихся с Голенищевым, безмолвно наблюдали за его унижением, однако в их безмолвии чувствовалась нешуточная угроза, подспудная ярость, тлеющая на грани открытого неповиновения. Стараясь ступать как можно без-

звучнее, насколько это вообще в человеческих силах, Эшер отодвинулся подальше от двух оставшихся бунтовщиц. Если к их бунту примкнет кто-либо из новоприбывших, если ситуация внезапно – как это нередко случается – выйдет из-под контроля, бунтовщики, всего вероятнее, бросятся не на графа с Исидро, а на него.

Вот тут-то, коснувшись спиной филенки стенной панели, он и почувствовал, как панель слегка поддалась под нажимом.

Тем временем представление Иппо повторили обе девицы: балерина Олюша – плача в бессильной злости, а студентка Марья – визжа, сквернословя, мотая головой из стороны в сторону, будто пес, упорно рвущийся с цепи. На лице наблюдавшего за ними Исидро не отражалось даже скуки, как будто ничто в человеческом мире его более не волновало. «Возможно, так оно и есть, – подумалось Эшеру, – но вот интересно: принуждал ли хозяин к подобным представлениям леди Ирен Итон? И если да, писала ли она об этом Исидро?»

– Ты, Марья, предпочла бы укусить его, не так ли? – с издевкой заметил Голенищев. – О, поглядите-ка на нее! Ну и личико, а? Куси-ка лучше Иппо, Марья. Усь его, усь!

Демонически оскалившись, девица медленно, дюйм за дюймом, поползла к студенту («Уж не любовники ли они?» – мелькнуло в голове Эшера), схватила Иппо за уши и принялась рвать, терзать зубами его лицо и руки.

– Подлый буржуй! – крикнул Иппо графу. – Прислужник правящих классов...

– От околесицы о «правлящих классах» вы нас, Ипполитон Николаевич, будьте любезны, избавьте, – подал голос один из «птенцов», вошедших в спальню следом за Голенищевым, изрядно сутулый, с кислой миной, словно навеки отчеканенной на лице. – Теперь судьбы рабочих волнуют вас не больше, чем меня – участь Российской империи. По-моему, в тот вечер, когда я в последний раз видел вас на партийной сходке, вы без зазрения совести прикончили девчонку из магазина модного платья, свернувшую в безлюдный переулок по дороге домой.

– Ну а теперь слушайте, – заговорил граф Голенищев, после того как все трое бунтовщиков, приведенные в повиновение, преклонили колени, припав лбами к полу.

Фонарь угасал, мрак в спальне сгущался на глазах. В потемках граф одним движением – с ужасающим проворством вампира, туманящим разум до тех пор, пока холодные пальцы не стиснут плечо, – подступил к Эшеру, схватил его за руку и поднял на ноги, будто полицейский, ведущий в участок малолетнего попрошайку.

– Ваш друг, князь Даргомыжский, не может вас защитить, и, изловив этого гнусного изменника, я еще покажу вам, как он бессилен. А если кто-то из вас хоть пальцем тронет этого человека, – тут он легонько толкнул Эшера в их сторону, – если хоть волос упадет с его головы, вы тут же узнаете, чего стоит обещанное изменником покровительство. В этом ручаюсь вам словом дворянина Российской империи.

Учтиво склонив голову перед Исидро, граф толкнул Эшера в его сторону с такой силой, что Эшер, если б не ждал подвоха, не приготовился к чему-то подобному, наверняка рухнул бы на колени.

Немедля забыв об Эшере – о малосущественном эпизоде в состязании воли, явно продолжавшемся не первый день, – граф вновь повернулся к провинившимся.

– Что бы князь ни наговорил вам, все вы принадлежите мне. И если вам потребуется убедиться в этом еще раз, – шагнув вперед, он потрепал разъяренную Марью по подбородку, легонько провел кончиками когтей по изодранной, окровавленной щеке Иппо, – я к вашим услугам.

Очнулся Эшер – внезапно, с ощущением, будто лишился чувств, хотя понимал, что дело совсем не в этом, – лишь посреди ночной улицы, один, промерзший насквозь.

Глава пятая

«Для передачи профессору
Джеймсу К. Эшеру,
в банк Хоара¹⁹,
Английская набережная,
Санкт-Петербург, Россия

Оксфорд,
5 апреля 1911 г.

Дорогой Джейми!

Благополучно ли ты добрался до Санкт-Петербурга? Не слишком ли тяжела оказалась поездка? В самом ли деле железная дорога (или речь шла о фабрике?), на которую тебя просит взглянуть дядюшка Уильям, представляется надежным вложением капитала? О русской безалаберности рассказывают невообразимые ужасы, а сумма весьма и весьма значительна... и, кроме того, ты же знаешь нашего дядюшку Уильяма!

Не сможешь ли ты, будучи в Санкт-Петербурге, отыскать там нескольких моих коллег? Рекомендательные письма прилагаю, но по крайней мере доктор Харбах, несомненно, помнит меня с тех пор, как приезжал в Англию, а интересна мне главным образом переписка со специалистами по заболеваниям крови, поскольку часть моих собственных находок в данной области приводит меня в нешуточное замешательство. (Не стану обременять тебя подробностями, однако результаты выглядят, мягко говоря, аномально.) Вот список джентльменов, с которыми мне хотелось бы посоветоваться:

д-р Иммануил Грюн, на Невском проспекте;

д-р Вильгельм Харбах, на Адмиралтейском проспекте;

д-р Эмрих Шпурцхайм, на Караванной улице, недалеко от Фонтанки (не помню, канал это или река?);

д-р Бенедикт Тайс, на Сампсониевском проспекте;

д-р Рихард Бирштадт, на Итальянской улице;

и, наконец, д-р Иоганн Лейтце, также на Невском проспекте.

Д-р Людвиг Шпор держит кабинет в Москве, на Тверской (ну и названия у них там, правда?). Еще в Москве практикует д-р Каспар Мантейфель (на Никитской), д-р Клаус Ольдерлин (также на Тверской) и д-р Райнхольд Прейце (его адреса я выяснить не смогла, но, полагаю, работает он в Москве). Среди работавших в России значатся еще двое, д-р Рихард Франк и д-р Эмиль Боденшатц, но в Петербурге ли они до сих пор или нет, нигде не упоминается.

Все они специализируются на биохимии крови. Надеюсь, тебе удастся отыскать среди них хоть одного, разделяющего твой интерес к фольклору!

Удачи с фабрикой (или речь о железной дороге?) дядюшки Уильяма!

Всем сердцем любящая тебя,

Лидия».

¹⁹ Банк Хоара (C. Hoare & Co) – один из старейших частных банков в мире.

По окнам кабинета с хмурым упорством хлестал проливной дождь. Запечатав конверт, Лидия принялась копаться в пенном хаосе ящика письменного стола в поисках марки («Так вот куда я засунула те заметки о патологических изменениях нервной системы!»), а после откинулась на спинку кресла и устремила взгляд за окно, на потемневшую от сырости стену Нового Колледжа, на двух молодых людей (студенты, не желающие вымочить под дождем мантии?), мчащихся вдоль Холивелл-стрит, словно огромные черные листья...

Рассеянно провожая их взглядом, Лидия думала о доне Симоне Исидро.

Да, она помнила, что должна подняться в спальню, разложить накопившиеся номера «Ланцета», «Британского медицинского журнала», «Ле журнал франсез физиокемик» и еще полудюжины немецких и американских периодических изданий на места, по коробкам, чтоб Мик отнес их в мансарду. Помнила, что должна привести в удобочитаемый вид конспекты статей немецких врачей-гематологов, работающих в России, которые строчила почти без остановки вот уж четвертый день кряду. Помнила, однако браться за дело даже не думала.

По мостовой – цок-цок-цок – прокатилась тележка торговца домашней птицей. За нею мимо окна, навстречу порывам ветра, придерживая шляпку, прошла женщина, ведущая за руку мальчугана в теплых башмаках, закутанного во множество одежек, будто кочан капусты. Прикрыв глаза, Лидия сняла очки и задумалась. Интересно, кем родилось бы дитя, потерянное прошлой осенью, мальчиком или девочкой?

«Забудь о нем. Этому не суждено было случиться».

Ветер чуть поутих, но вскоре вновь принялся швырять в окна горсти дождевых капель.
Дон Симон...

«И этому тоже. То были просто чары. Он сам так сказал».

Лидия крепко ущипнула себя за переносицу.

«Вампиры охотятся, внушая к себе доверие. Отчего еще человек среди ночи пойдет в темный переулок с тем, кто совершенно ему незнаком?»

Ну а щемящая, сдавливающая грудь тоска, охватившая ее, стоило только вспомнить спокойствие в желтых глазах, негромкий, вкрадчивый голос, прикосновение холодных пальцев, – не более чем реакция на череду былых треволнений и опасностей, завершившуюся трагедией.

Нет. Джейми не отступил, и она не отступит тоже.

Правда, для Джейми все обстояло иначе. Конечно, его с души воротило от лживости Департаментской службы, от требований держаться в постоянной готовности расправиться с любым, кто бы ни встал между ним и служебным долгом, однако Лидия знала: в своем деле он мастер. Сама она рядом с вампиром ни минуты не чувствовала себя уверенно, вечно не понимала, правильно поступает или же нет.

А в Департаменте, по словам Джейми, всегда все предельно ясно. Делай, что хочешь, делай, что можешь, только останься в живых, пока не передашь добытую информацию в руки начальства, а остальное не важно. Вот отчего столь многие, при всей нелюбви к службе, не в силах даже представить себе иного образа жизни.

– Куда бы ты ни пошел, для этого должна иметься убедительная причина, – как-то раз объяснил он.

Потому-то Лидии и пришлось снабдить его перечнем германских врачей-гематологов, присовокупив к этому шуточные пассажи о вымышленном интересе дядюшки Уильяма к вложению капитала в русские железные дороги. В России письма каждого вскрывались Тайной полицией, и никто этим особенно не возмущался.

– Девять человек из десяти, – говорил Джейми, – даже не подумают задаться вопросом: «О чем это голландскому языковеду пишут из Лондона?» – или: «Куда это профессор Лейден вдруг исчезает время от времени?», а вот десятый – или тот, с кем он об этом заговорит, – и может тебя погубить.

«Погубить... Джейми...»

Разговор этот состоялся еще в те дни, когда Лидия, школьница, гостила у дядюшки в Оксфорде и играла в крокет с небольшой армией юных джентльменов, с еле скрываемым нетерпением ожидавших, когда же наследницу Состояния Уиллоуби «выведут в свет» и тот либо иной из них сможет жениться на ней, не говоря уж о ее немалых деньгах...

...а также с одним из ученых коллег дядюшки – как выяснилось, вовсе не сухим, скучным педантом средних лет, каким он казался с виду.

После второй встречи с ним Лидия начала вести список его путешествий и сравнивать места назначения со странами и городами, упоминаемыми в газетах. И наконец за поисками шара, потерявшегося в высокой траве у реки, набралась храбрости спросить:

– Профессор Эшер... вы вправду шпион?

В ответ он искоса взглянул на нее, и в его неожиданно ярких карих глазах не отразилось ни малейшего удивления.

Тогда-то – хотя, может, и много раньше – она и поняла, что любит его. Любит... и не как школьница – любовью женщины, которой ей вскоре предстояло стать.

«Дон Симон...»

– Мэм?

На пороге кабинета остановилась Эллен с подносом в руках:

– Я принесла вам чашечку чая, мэм. А то, гляжу, к ланчу вы даже не притронулись.

– Прощу прощения.

Улыбнувшись, Лидия водрузила на нос очки и рассеянно окинула взглядом стол в поисках свободного местечка.

Эллен, также позволив себе едва заметно, с хитрецей улыбнуться, отнесла поднос на журнальный столик у камина. Некогда она служила в Уиллоуби-корт няней и с тех пор большую часть жизни следовала за госпожой через трясины книг, газет, журналов, отвергнутых приглашений на званые вечера и образцы шелка от модистки, изо всех сил тщаась заставить ее регулярно питаться и вовремя ложиться спать.

– Вы, мэм, не волнуйтесь.

Опустившись на колени возле камина, Эллен поворошила почти угасшие (что Лидия, увлекшаяся разбором бумаг и составлением списка для Джеймса, заметила только сейчас) угли. Пламя в камине взбодрилось, вспыхнуло жарче.

– Если уж мистер Джеймс взялся за дело, он, сами знаете, кузена своего непременно найдет.

Такова была история, рассказанная ей. Вполне объяснявшая, отчего Эшеру пришлось внезапно уехать перед самым концом учебного года.

– Найдет-найдет, даже не сомневайтесь. И морить себя голодом, пока не отощаете как щепка, совсем ни к чему.

– Да, – согласилась Лидия. – Разумеется, ни к чему.

– Только бы этого кузена... как, бишь, его?

Лидия беспомощно развела руками. Способностью мужа подолгу удерживать в голове многоступенчатый, непротиворечивый обман она не обладала и с ходу выдумывать имя остереглась. На память Эллен не жаловалась, а ее наблюдательности оставалось только позавидовать.

– Джеймс говорил, но я позабыла.

– По-моему, он сказал «Гарольд», – выпрямляясь, припомнила Эллен. – Так вот, только бы этого Гарольда не занесло в какие-нибудь совсем уж забытые богом края. Помните, каким хворым мистер Джеймс вернулся – кто б мог подумать! – из Константинополя? А в России вдобавок вон холод какой... Позвольте письмо, мэм. Пойду на почту снесу.

Послушно вручив ей письмо, Лидия уселась поближе к разгоревшемуся огню. От камина веяло теплом, без очков свет пламени казался мягким, слегка мутноватым, необычайно уютным на фоне хмурого дня.

Да, каким хворым мистер Джеймс вернулся домой из Константинополя, после всех пережитых там ужасов, после гибели константинопольского хозяина и супружеской пары вампиров, бывших друзей Джеймса, она помнила прекрасно.

«Погубить...»

Вновь смежив веки, она будто воочию увидела дона Симона в минуту их знакомства, во мраке под кирпичными сводами подвала Хориса Блейдона, в образе растрепанного, но совершенно спокойного спасителя, с поклоном целующего ее руку. «К вашим услугам, мадам...»

А после она, слишком поздно поняв, что Джеймс отправился прямо в расставленную для него ловушку, отыскивала вампира в склепе под его лондонским особняком... Как падал свет лампы сквозь прутья решетки склепа, выхватывая из сумрака изящную, длинную кисть спящего, украшенную золотой печаткой...

Джеймса она любила так же крепко, так же горячо, как всегда. Джеймс был настоящим – тем самым, в чьих объятиях она проводила ночи. Отцом не рожденного ею ребенка. Тем, кто плакал с ней рядом в жутком мраке утраты, когда сама она плакать уже не могла.

«Симон... нет, мои чувства к нему – не любовь... но тогда отчего же на сердце так больно?»

И Джеймс, и дон Симон предупреждали, что вампиры способны исподволь манипулировать мыслями жертв, их восприятием, их сновидениями. Кроме того, Лидия видела, как Исидро – старейший, сильнейший среди вампиров Лондона – вглядывался в сновидения жителей английской столицы, когда ему потребовалось найти для нее компаньонку, готовую в двадцать четыре часа бросить службу без надежд когда-либо отыскать новое место и, покинув страну, отправиться в Париж, где будет ждать ее совершенно незнакомая женщина...

Да, Лидия воочию видела, как он проник в сновидения Маргарет Поттон, не прося ни о чем, но внушив ей уверенность, будто все это – жертва, желанная для нее самой.

Желанная, так как Маргарет Поттон полюбила его.

Так как он внушил ей любовь к себе. Взглянул на идеализированные образы из ее грез и облекся в те же лубочные, выпретенные мелодраматические тона.

Вот уж три ночи – с тех пор как Джейми отправился в Петербург – Лидия рылась в медицинских журналах, сверяла имена, факты, адреса в колонках, где публикуются письма читателей... и все это только затем, чтобы не видеть во сне обескровленное мертвое тело Маргарет Поттон, распростертое на кровати.

Или, по крайней мере, свести эти сновидения к минимуму.

Сердце ее кричало Исидро поверх тела Маргарет: «Как вы могли?!»

«Да проще простого», – деловито, без эмоций отвечал разум.

Исидро – вампир. Поскольку она, Лидия, решительно отказывалась принять его покровительство, если он не воздержится от убийств, от духовного насыщения смертью жертв, из коих черпает ментальную силу, дабы творить иллюзии, ему долгое время пришлось голодать. Ну а несчастная Маргарет, одурманенная любовью, не раз говорила, что ради него готова на все – даже на смерть.

Вот это была любовь...

«Но отчего меня это хоть сколько-нибудь задевает?»

«Отчего же мне больно?»

«Отчего мне ТАК больно?»

Воспоминания обо всех этих разговорах ночами напролет – за картами, за изучением банковских документов, за размышлениями о совместном расследовании, в купе поездов, у окон-

ных решеток эркера того дома в Константинополе, в тумане, окутавшем черно-белую, словно скелет, каменную громаду венского кафедрального собора, – все это вздор.

Однако ощущение, будто она имела дело не с вампиром, но с человеком – немалой хитрости и большого ума, внушавшего то восхищение, то исступленную ярость, ученым, а временами поэтом, наблюдавшим дурачества смертных на протяжении трех с половиной столетий, – упорно не оставляло ее, и его стойкость наполняла Лидию жгучим стыдом.

«Все это неправда. Все это тоже иллюзии. Не более чем хризалиды, куколки его прежнего облика».

На самом же деле в нем нет ничего, кроме тьмы да ненасытной тяги все к новым и новым убийствам.

– Да, я очаровал ее, мы всегда очаровываем, – сказал он Джеймсу. – Мы так охотимся. И это ничего не значит.

Но почему же от этого ничуть не легче?

Из коридора донеслась тяжкая поступь Эллен. Поспешно выпрямившись, Лидия обнаружила, что за окном стемнело, а нетронутый чай совершенно остыл. И, кстати, она уже три дня не прикасалась к статье, которую должна сдать в «Ланцет» к четвергу...

– Ну вот, мэм! – с гордостью объявила служанка, протянув ей конверт – изрядно замызганный, грязный, сплошь в пятнах голландских почтовых штемпелей. – Я же говорила: ничего с ним не делается!

«Роттердам,
4 апреля 1911 г.

Любовь моя,
со мной все в порядке».

Надев очки, Лидия взглянула на дату, затем направилась к глобусу в углу кабинета – вечно она забывала, где находятся все эти мелкие страны между Францией и Германией. Должно быть, писал Джеймс с вокзала (бумага уж точно выглядела взятой с конторки в общем зале ожидания), перед посадкой на поезд в Германию.

Эллен она улыбнулась как ни в чем не бывало, но, когда Эллен ушла, перечитала записку, сняла очки и еще долгое время сидела у камина в янтарных отсветах пламени.

В чудеса Господни она не верила.

Молить Бога о чуде казалось столь же неразумным, как и, например, любовь к человеку, вне всяких сомнений, лично убившему поодиночке – по самым скромным подсчетам, при условии, что все эти триста пятьдесят шесть лет он, не роскошествуя, ограничивал аппетит двумя жертвами в неделю, – значительно больше тридцати тысяч человек...

«Прошу тебя, Господи, помоги ему благополучно вернуться домой...»

Глава шестая

Поскольку человек существует отнюдь не в вакууме – и поскольку Эшер догадывался, что dvornik или консьерж «Императрицы Екатерины», получающий от кого-либо из германского посольства, а заодно и от местного отделения Тайной полиции некоторую прибавку к жалованью, следит за приездами и отбытиями гостей из-за границы, посещающих Петербург в столь неурочный, немодный сезон, – на следующее утро он еще раз тщательно выбрил темя, заново выкрасил остатки волос и усы, перечел редакционную полосу прихваченного с собою номера «Чикаго Трибьюн» и отправился с визитом в Министерство полиции. Несколько лет назад его объединили с Министерством внутренних дел, однако полицмейстер по-прежнему правил Санкт-Петербургом все из того же снискавшего дурную славу здания на набережной Фонтанки, и Эшер без особых хлопот представился ему мистером Джулом Пламмером, состоятельным бизнесменом из Чикаго, в гневе преследующим сбежавшую от него жену.

– Прослышал я, будто ее сюда понесло, – громогласно, с резким, скрежещущим выговором уроженца Среднего Запада, ничуть не похоже на мягкую, негромкую речь профессора филологии из Нового Колледжа, Оксфорд, объявил он. – Нет, я беспорядков чинить не намерен, но и дураком, будь оно все проклято, себя выставить не позволю. Тот тип, с которым она сбежала, назвался русским графом, а еще мне известно, что при нем имелись письма из Санкт-Петербурга, потому я и здесь. А-а, как бы там ни было, будь прокляты все бабы на свете! Думаю, насчет графства этот ублюдок соврал, но начать я решил отсюда.

Не стоило бы и упоминать, что о пребывании кого-либо из членов невероятно богатого семейства Орловых (Эшер упорно именовал их «Орлофф») где-либо неподалеку от Чикаго у полиции сведений не нашлось – тогда как о любых эскападах Орловых, особ едва ли не царской крови, немедленно узнавал весь Петербург.

– Так и знал, – буркнул Эшер и изложил скучающему чиновнику заключительную часть заготовленного рассказа в тоне брюзгливом, надменном и покровительственном ровно в той мере, чтоб самому не угодить под арест.

Подобная манера держаться прекрасно помогала избежать узнавания со стороны тех, кто встречал его в качестве скромного, неприметного профессора Лейдена. Во время стремительно нарастающей международной напряженности Аусвертигес Амт, скорее всего, направит в столицу крупного государства агентов из самых опытных, так что лишняя предосторожность вовсе не повредит.

Покончив с визитом в полицию, он нанял кеб, отправился за реку, на Кировские острова, и справился у лакея в напудренном парике и синей с бордовым ливрее, встретившего его у парадных дверей чрезвычайно роскошного дворца, в городе ли сейчас князь Разумовский. Лакей на безукоризненном французском ответил, что так оно и есть, согласился (за два рубля), приняв у мсье Пламмера визитную карточку, осведомиться, в самом ли деле его сиятельство дома, и удалился, оставив Эшера в гостиной, по сравнению с коей особняк леди Ирен Итон мало чем отличался от наемной комнатухи в одном из ист-эндских доходных домов. Вернувшись, лакей намекнул, что его хозяину отнюдь не стоило бы опускаться до разговоров с американцем, особенно в столь ранний утренний час (то есть во втором часу пополудни), однако мсье Пламмера он примет. Пожалуйте сюда, мсье.

Во взгляде, поднятом князем от письменного стола навстречу впущенному в кабинет Эшеру, не отразилось ни искорки узнавания. Как только лакей затворил за собою двери, Эшер снял пенсне, бросил пыжиться на американский манер, принял обычную позу и собственным, обыкновенным голосом заговорил:

– Ваше сиятельство?

Златоусый великан изменился в лице:

– Джейми?!!

Эшер поспешно приложил к губам палец. Голосу князя Разумовского мог бы позавидовать оперный бас.

– Ну и ну... Боже правый!

Обогнув стол, князь сгреб Эшера в охапку и расцеловал в обе щеки.

– Откуда вы взялись, а? Я думал, вы больше не...

– Совершенно верно, – подтвердил Эшер, вновь предостерегающе подняв кверху палец. – Я в Петербурге по частному делу, ваше высочество. О моем приезде не знают даже в Департаменте.

– А ваша красавица леди?..

– Осталась дома.

– И правильно сделала. Великий пост в Санкт-Петербурге... – Покачивая головой, Разумовский театрально передернулся. – А не смогу ли я заинтересовать вас приглашением на благотворительный бал Теософического общества²⁰ нынче вечером в Зимнем дворце? Черноморские княжны стремятся не упустить последних пожертвований перед тем, как все сбегут в Крым... Гостей съедется – страсть: и все столичные шарлатаны, и вообще все, взыскующие расположения их светлостей...

Князь подкрутил роскошный ус. Под «всеми», насколько понимал Эшер, имелись в виду две-три тысячи человек (из полутора миллионов столичных жителей) светских щеголей и правительственных чиновников высшего ранга.

– Почту за честь, ваша светлость, – склонил голову Эшер, мысленно радуясь, что не забыл прихватить в дорогу вечерний костюм.

С Разумовским он познакомился не в Петербурге – в Берлине, где князь отвечал за рутинный сбор сведений от местных агентов разведывательного бюро – то от клерка с грешками за душой, то от офицера кайзеровского генштаба, живущего не по средствам и вовсе не возражающего, чтоб его карточные долги погашали без лишних вопросов. Сущие пустяки, мелочи, из которых на девять десятых и состоит работа разведчика... Конечно, на помощь высокородного дипломата, хоть в чем-либо противоречащего интересам Российской империи, Эшер отнюдь не рассчитывал, но знал: ему можно довериться как другу.

В петербургском отделении его собственного Департамента таких отыскивались бы считанные единицы.

– Превосходно! Вундербар! – Подтолкнув Эшера к креслу у натопленной печи, монументального сооружения, облицованной плитками узорчатых изразцов с позолотой, князь позволил в колокольчик. – А то, знаете ли, все эти банальные разглагольствования насчет положения в Сербии или общения с мертвыми довольно скоро до оскомины надоедают: серьезная нехватка достоверной информации ни той, ни другой теме совсем не на пользу. Чаю со мной выпьете, Джейми?

– Мистер Пламмер. А от приглашения я, пожалуй, буду вынужден отказаться. Неужто в городе не осталось никого из Берлина? Или, к примеру, из тех, кто был в Южной Африке?

– Либо в Китае, либо в Вене, либо в Боснии, либо в Месопотамии...

– А о Месопотамии вам кто рассказал? – с усмешкой парировал Эшер.

В ответ Разумовский шутливо погрозил ему пальцем:

– Бросьте, Джейми. Всех лиц никому не запомнить – ни вам, ни им. Насколько я могу судить, из людей дельных в германском посольстве остались лишь те, кто работает там со времен царя Александра – а то и вовсе с царствования Екатерины Великой. Давайте-ка, рассказывайте, чем я могу помочь в вашем «частном деле»? Чего ради вас занесло за тысячу восемьсот

²⁰ *Теософическое* (теософское) общество – международная общественная (по сути – религиозно-окультиная) организация, основанная в конце XIX в. Еленой Блаватской.

миль от прекрасной мадам Эшер, да еще в то время, когда германцам загорелось захватить Марокко, а мир вот-вот захлестнет революция?

– А вот это меня не касается, – отрезал Эшер, принимая чай – в серебряном подстаканнике, с куском сахара, заваренный крепче, чем в Англии варят кофе, – от все того же ливрейного лакея, соизволившего подойти к нему с подносом в руках.

Облагодетельствовав Эшера, лакей удалился, и тогда князь, понизив голос, продолжил:

– А что же вас тогда касается, Джейми? Что привело вас к нам? Дорога неблизкая, время года для поездок не лучшее, и все это чистая правда.

– Правда ли, нет ли, – в той же мере понизив голос, ответил Эшер, – услышав, что я хочу выяснить, вы в любом случае решите, будто я спятил.

С этим он ненадолго умолк, размышляя, о многом ли сможет расспросить Разумовского, не подтолкнув русских начать собственное расследование, и многое ли почерпнет из списка, составленного по его просьбе Лидией (следовало надеяться, письмо от нее прибудет уже на днях). Одно слово «немецкий», а уж тем более в сочетании со словом «ученый», вполне могло заинтересовать Третье отделение... и в итоге привести к выдворению Эшера из пределов Российской империи.

– Не могли бы вы поговорить с полицией, а еще лучше – в Охранном, и выяснить, не наблюдалось ли здесь, в Петербурге, случаев так называемого... самовозгорания человека? – поразмыслив, спросил он.

Брови Разумовского поднялись кверху до середины лба.

– Как у Диккенса?²¹

– Как у Диккенса, – кивнув, подтвердил Эшер.

– А зачем?..

Эшер, приподняв ладонь кверху, покачал головой.

– Именно это мне в данный момент нужно выяснить, – сказал он. – Доказательств не требуется, достаточно упоминаний. Меня интересует, не отмечалось ли чего-то подобного в течение последних двух месяцев.

«Не можешь начать с одного конца, начинай с другого... по крайней мере, пока не придет письмо от Лидии».

Довольно долгое время русский молчал, щуря голубые глаза. Слышал ли, читал ли он – или хоть кто-нибудь – донесения о находке в старинном дворце посреди древней части Константинополя, из которого Эшер с Лидией вышли наружу тем зимним утром в 1909-м, о четырех, а то и пяти обугленных трупах, сгоревших почти целиком, хотя ни кострищ, ни следов чего-либо горючего поблизости не нашлось? Турецкие власти предпочли замять дело, и свидетельства о странном событии наверняка затерялись среди описаний куда более масштабных беспорядков, волной прокатившихся той ночью по древнему городу.

Конечно, нужные сведения Разумовский, его друг (и агент русского царя), поищет в любом случае...

Однако князь всего-навсего ответил:

– Ну что ж, друг мой, если вам требуются самопроизвольные возгорания человека, то сегодняшний бал Теософического общества – как раз то самое место, где о них можно услышать все. А заодно послушать и о полтергейстах, и о левитации, и о дождях из живых рыб, и о лягушках, живьем обнаруженных в пустотах внутри цельного камня. Сестрицам-черногоркам блюда подобного сорта только подавай. Их бала не пропустит ни один из ученых, кормящихся с попыток проникнуть в тайны телепортации или загадочных чудищ, обитающих в шотландских озерах...

– А мне предлагается вызывать их на откровенность и внимательно слушать?

²¹ Именно так погиб отрицательный герой романа Чарльза Диккенса «Холодный дом».

«И, может быть, походя интересоваться, не занимаются ли они также гематологией».

– Тогда вы, вне всяких сомнений, станете самым популярным среди гостей! Обычно эти «ученые» даже друг друга не слушают.

– Но мне бы еще хотелось услышать, что об этом могут сказать в Охранном, – напомнил Эшер.

– Вот вечером сами и спросите! – вновь усмехнувшись, откликнулся Разумовский. – Этих туда тоже слетится тьма.

Еще раз заверенный князем Разумовским, что, столкнувшись во время пребывания в Санкт-Петербурге с любыми, точно не названными «затруднениями», он может смело обращаться прямо к князю, в его департамент Министерства внутренних дел, Эшер нанял кеб и покатил по Каменноостровскому проспекту назад, в город. День выдался зверски холодным, но ясным, и в меркнувшем свете солнца Острова еще сохраняли ореол сказки, места и времени, изрядно отставшего от новорожденного Двадцатого Века: имения аристократов в окружении лесов и березовых рощ, бревенчатые стены крохотных *izba*, подражаний сельской простоте – казалось, все это, отраженное в каком-то волшебном зеркале, мерцает искристой пылью того самого зачина: «Некогда, в давние-давние времена...»

Может, это и есть мир, где растут дети?

Откинув голову на засаленные подушки сиденья, Эшер погрузился в воспоминания о кентском коттедже теток, об ароматах лесов, начинавшихся сразу же за садовой оградой. О мире, где нечто прекрасное, восхитительно новое ожидало его за любым поворотом тропинки, под шляпкой любого гриба.

«Может, поэтому нас и влекут к себе сказки? Может, погоня за народными преданиями, за золотом эльфов – на самом деле просто желание вернуться в детство, в те времена, когда нас любили и оберегали? Когда жить на свете было не страшно, так как мы еще не понимали, что почем? Когда слыхом не слыхивали ни о бомбах, ни о ядовитых газах?»

Сквозь кроны голых деревьев поблескивала, точно стекло, черно-зеленая в белую крапинку гладь Залива. За поросшими мхом горгульями и гранитными львами привратничких ярко, словно цветы, зеленели, розовели, желтели дворцы в итальянском стиле. Внутри – это Эшер знал не понаслышке – каждый был просто великолепен: полированный камень сотни оттенков, черное дерево, позолота, французские маркетри, китайские шелка... и каждый рубль, ушедший на все эти красоты, вынут из карманов простонародья, отнят у жителей тысяч безотрадных глухих деревень и у рабочих, замерзающих насмерть в угрюмых стенах великого множества бараков, доходных домов и фабрик в пределах недолгой пешей прогулки от этих волшебных мест.

Кеб довез его до садов Таврического дворца. Оттуда Эшер дошел до особняка, где жила леди Ирен Итон. Дни удлинялись, однако смеркалось довольно быстро. За завтраком и во время многочисленных поездок в кебах Эшер прилежно читал самые свежие письма из связок, полученных от Исидро. Пока что прочитанное свидетельствовало, что по крайней мере в одном Голенищев не ошибался: серьезных, близких знакомств леди Итон ни с кем из живых не водила... но ведь Исидро надеялся что-то найти! Обогнув конюшни и каретные сараи на задах шеренги особняков, он перелез через калитку, пересек голый сад (простенькие живые изгороди, о которых без труда позаботится любой приходящий дневной садовник, и множество мощенных камнем дорожек) и обнаружил, что кухонная дверь, как и парадная, заперта на английский замок – вполне современный, годами этак пятьюдесятью новее особняка.

Полумрак внутри внушал нешуточную тревогу. По всем впечатлениям, завладеть логовом леди Ирен Голенищев с «птенцами», пожалуй, поостерегся бы – тем более заподозрив, что с хозяйкой стряслось нечто скверное, да и найти в ее резиденции хозяина-соперника, Дарго-

мыжского, Эшер тоже, пожалуй, не ожидал. Тем не менее за порогом опустевшего дома волосы на темени поднялись дыбом: следовало полагать, петербургские вампиры приглядывали за особняком после наступления темноты.

«Кого же она принимала здесь? – гадал Эшер, поднимаясь широкой, изогнутой полукругом лестницей, ведущей из вестибюля наверх. – Кого хотела поразить греческими статуями и парчовыми занавесями? Сама ли играла на громадной золоченой концертной арфе, установленной в зале для музицирования? Не вел ли один из этих, по-кошачьи желтоглазых, маячивших за спиной графа Голенищева минувшей ночью, с нею бесед о чем-либо помимо охоты?»

– С охотой для многих из нас связано буквально все, – рассказывал Исидро одной из ночей в купе «Норд-Экспресса»²², пока в темноте за окном мелькали шахматной доской, словно чудесная страна по ту сторону зеркала, плоские земли Голландии. – Некоторые находят удовольствие в совместной охоте – по двое, по трое разом, с выбором и дележом жертв, загодя запланировав, где и когда...

Тонкие, бледные пальцы вампира без усталости тасовали карты. Раскладывать пасьянсы невообразимой сложности, такие, что и за логикой частенько не уследишь, он мог часами.

– Понимаете, убивать бедняков слишком просто и посему скучно. Что до богатых – даже до этих лошенок, спесивых купчишек, толпами порождаемых миром в сии времена всеобщего упадка и вырождения, – любому вампиру быстро становится ясно: да, их крайне не любят, но непременно хватаются. А всякий живущий вечно вскоре обнаруживает, что вечность состоит из множества, множества часов бодрствования, и эти часы необходимо чем-то заполнить.

Умолкнув, Исидро вновь принялся раскладывать карты – две, если не три колоды, да с такой быстротой, что у Эшера зарябило в глазах. Казалось, все это не столько пасьянс, сколько медитативные размышления о принципах математических преобразований. Сколько бесчисленных «часов бодрствования» Исидро пришлось заполнять при помощи этих картонных генераторов случайных чисел?

– Посему мы охотимся. А при встречах беседуем об охоте, – продолжил вампир. – Те из нас, кто некогда читал книги, слагал стихи, сочинял музыку, играл в шахматы, изучал языки, чаще всего обнаруживают, что в сравнении с насущностью, безотлагательностью, интимностью охоты все эти увлечения безнадежно бледнеют, утрачивают всякий смысл. А вот охота... ее предвкушают, ее вспоминают ночи напролет! Во время охоты во всем мире не остается ничего, кроме крови, страха и власти.

Исидро снова смешал карты и начал раскладывать пасьянс заново. Его длинные белые волосы наполовину прикрывали лицо, само по себе скрывавшее многое не хуже любой маски. Лидия рассказывала, что Исидро научил ее старинной игре в пикет, но Эшера ей так и не обучила, однако сам Исидро объяснил ему правила в первую же ночь совместного путешествия.

– Для многих, кроме охоты, не существует ничего, – закончил вампир.

Но, судя по прочим рассказам Лидии, в компании Исидро проделавшей путь от Парижа до Константинополя, Эшер догадывался: дон Симон отнюдь не из тех, кто потерял всякий интерес к игре в шахматы, к чтению, к сложностям освоения неведомых языков. В его доме, спрятанном где-то среди лабиринтов Ист-Энда, возле реки, Лидия видела собрание книг, по крайней мере на двенадцати языках, и три шахматные доски.

Библиотека в доме леди Ирен оказалась довольно обширной. Среди прочего Эшер отметил почти две полки трудов в области математики, прикладных вычислений, а также математической теории музыки. Однако, едва коснувшись коричневых переплетов телячьей кожи, с золотым тиснением на корешках, он обнаружил, что кожа совсем рассохлась, а верхние обрезы томов густо покрыты пылью. Вдобавок на столах из синего сандала и бледно-желтого тюльпанного дерева не нашлось ни единой брошюры. В кабинете он еще раз осмотрел ящики пись-

²² «Норд-Экспресс» – комфортабельный поезд дальнего следования, соединявший Париж с Россией.

менного стола, но не нашел внутри ничего, кроме пыли и старых перьев. Между тем чернила в старинном чернильном приборе оказались довольно свежими, а перьями, лежавшими рядом, часто, помногу писали. Вновь проходя через зал для занятий музыкой, он коснулся струн арфы и обнаружил, что все они рыжи от ржавчины.

На роскошном ковре в спальне по-прежнему темнели пятна запекшейся крови вампиров, Марьи и Иппо, стравленных графом Голенищевым друг с дружкой. Может, поэтому Исидро так и не завел ни одного «птенца»?

«Вверить хозяину и душу и разум, оказаться в объятиях его сознания...»

Обнаженная душа в объятиях другой обнаженной души... Возникающей при этом близости Эшер не мог себе даже представить. По сравнению с нею кульминация брака, брачное ложе, низводилась к чему-то сродни обмену рукопожатиями, и то сквозь перчатки.

Зная, что Лидия никогда не простит ему, если он не сделает этого, Эшер вернулся в кабинет, отыскал чистый листок почтовой бумаги и конверт, снова проследовал в спальню и перочинным ножом срезал с ковра пару дюймов пропитанного кровью ворса – пусть изучает на здоровье...

«Если, конечно, мне удастся вернуться домой живым».

Однако минувшей ночью Эшеру запомнилась отнюдь не только парочка революционеров-отступников (ведь прелесть охоты затмила для них Революцию так же верно, как для леди Ирен – увлечение арфой). Знание человеческой натуры, не говоря уж о хищной злобе во взгляде Марьи, подсказывало: пусть он всего-навсего защищался, их ненависть обратится именно на него. Их обоих унизили на глазах у человека...

Если они решат, что сумеют покончить с ним втайне от Голенищева, он, можно считать, покойник.

Собрав образцы крови, Эшер направился в тот самый угол, куда его отбросили накануне, и легонько нажал на нижнюю стенную панель. Панель поддалась.

Сдвигающаяся панель оказалась задачей довольно простой. Ощупав с полдюжины завитков окаймлявшего ее орнамента, Эшер вскоре отыскал нужный. В тайнике, нише от силы пяти дюймов в глубину, обнаружились пачки банкнот, толстостенная бутылка, наполненная (очевидно, собратьям-вампирам леди Итон доверяла не больше Эшера) водным раствором азотнокислого серебра, заряженный серебряными пулями револьвер, три разных комплекта бумаг, удостоверяющих личность, и, наконец, в конверте у дальней стенки, еще конверт – пожелтевший от времени, надписанный знакомым, тонким, как паутинка, почерком Исидро.

Сложив все найденное в саквояж с наплечным ремнем, Эшер вернул панель на место и поспешил покинуть особняк. Конечно, за все время внутри он не заметил, и не услышал, и не почувствовал, что в доме есть еще кто-то или что за домом следят, однако...

Вокруг сгущались холодные весенние сумерки. Подозвав первый попавшийся кеб, Эшер покинул окрестности Смольного монастыря с явственным ощущением, будто едва успел вовремя унести ноги.

Вернувшись к себе, в номер «Императрицы Екатерины», он подсел к полукруглому окну-фонарю, выходившему на реку, и развернул письмо Исидро к леди Ирен Итон.

«Лондон,
10 мая 1820 г.

Миледи!

Письмо ваше я получил.

Получил – и ужаснулся тому, что прочел в нем.

НЕ ДЕЛАЙТЕ ЭТОГО. Молю вас во имя моей любви к вам, во имя вашей любви ко мне: не делайте этого.

При расставании вы обратились ко мне с просьбой, в которой я вам отказал, – и, несмотря на все мои увещевания, на все старания объяснить причину отказа, хоть и заверили, будто вам все понятно, сдается мне, не поняли и до сих пор не понимаете ничего.

По вашим словам, мне предстоит жить вечно, тогда как сами вы, живая, обречены на смерть. Однако я вовсе не живу вечной жизнью. Ныне я не живу вообще (как и сообщил вам в тот день, на что вы, зажмурившись, лишь покачали головой), а смерть ведь меняет многое. Меняет всех и вся. А Небытие в сем отношении страшней самой Смерти, ибо в Смерти память остается прежней, не запятнанной дальнейшими переменами.

Вы полагаете, будто ничуть не изменитесь, но перемен вам не избежать. Я, повидавший сотни прошедших сквозь врата крови в тот мир, где сам обретаюсь ныне, помню разве что четверых или пятерых, не превратившихся в подобию Гриппена, не уподобившихся Лотте с Франческой, на коих вы взирали с таким страхом и любопытством, вместе со мною слушая полночные колокола, – не ставших, по сути, демонами, живущими единственно ради человекоубийства. Видел я и ученых, забросивших книги, и художников, отвернувшихся от мольбертов; видел и матерей, стремившихся к преобразению лишь затем, чтоб обеспечить лучшую жизнь детям, и в скуке отвернувшихся от родных детей, едва миновав врата, в которые вы столь настойчиво стучались в ночь нашей разлуки.

Я люблю вас, леди, именно такой, какова вы есть. Увидеть, как вы, утратив собственное «я», ту леди, что я люблю, забудете и о музыке, и о любви к наукам, и о радости, что приносят вам кошки, и станете такой же, как я... нет, это неизмеримо горше, тяжелее, чем пережить вашу смерть, ибо в последнем случае вы, пусть одряхлев с годами, останетесь самой собой.

Пишу я все это, прочитав о вашем знакомстве с вампирами Санкт-Петербурга – о том, как вам удалось отыскать их, отталкиваясь от моих рассказов о лондонских и парижских вампирах... и сердце мое переполняет страх и тоска.

Я ведь знаю вас, леди. Знаю и, памятуя о вашем мужестве, решительном характере и любви, весьма, весьма опасаюсь, что, написав мне, вы не станете дожидаться ответа.

Поймите, Ирен: мир не нуждается в новом вампире. Миру (и мне) нужны вы. Живая.

Посему, если вы еще не обратились к вампирам севера с просьбой о преобразении, прошу вас, не делайте этого.

Ну а если уже обратились... пишу сие со скверным, крайне скверным предчувствием, что прежней вас не увижу более никогда.

Исидро».

Глава седьмая

Пользуясь отъездом императорской фамилии, разумеется не обретавшейся в Зимнем дворце круглый год, благотворительный бал Теософического общества устроили в одном из просторнейших залов Зимнего, в сногшибательной, убранной алыми занавесями казарме с золотыми колоннами, с виду вполне способной проглотить целиком Вестминстерское аббатство. Даже Исидро, неизменно державшийся так, будто его нимало не беспокоит ничто, вплоть до гибели земного шара, приостановился в дверях и негромко, по обыкновению монотонно прошелестел:

– Диос...²³

Эшер не без труда сдержал улыбку.

– Путешествия расширяют кругозор, – заметил он.

Сверкнув бледно-желтыми глазами, вампир искоса взглянул на него, вновь поднял взгляд, оглядел окаймленные золотом потолки и многолюдную толпу, водоворотом бурлящую вокруг столов с закусками у дальней стены.

– Как и долголетие, – парировал он. – Сколько б ни тешился я иллюзиями, будто на сейто раз видел предел деньгам, пущенным по ветру властью имущими в угоду собственному тщеславию, жизнь вновь и вновь преподает мне урок смирения. Поневоле уверуешь в существование Бога...

Словно хрупкий, безукоризненно изящный черно-белый фантом, Исидро вошел в грандиозный зал первым.

– По крайней мере, сегодня меня не заставят подтверждать правоту какой-нибудь экзальтированной дамочки, якобы видевшей фей в глухом уголке собственного сада, – пробормотал Эшер, следуя за вампиром. – Что все эти «знатоки», кажется, почитают профессиональным долгом любого профессора-фольклориста. Особенно та идиотка, кузина Лидии, убежденная, будто я большой специалист по духам, шумящим среди ночи, и вечно затаскивающая меня на «сеансы». Даже не думал, что в каком-либо из крупных европейских городов отыщется столько Истинно Верующих...

– Как я уже говорил, вам просто не хватает веков этак трех опыта в сих материях.

– И обзаводиться им я совершенно не желаю, – твердо ответил Эшер.

В ответ вампир, к немалому его удивлению, мимолетно, неожиданно по-человечески улыбнулся:

– Отчего же? Свои преимущества у него имеются.

На полпути сквозь толпу, через акры сверкающего паркета, отделявшего двери от буфетных столов, Эшер замедлил шаг.

– Так они существуют в действительности?

Исидро обернулся к нему. Повсюду вокруг дамы в атласных платьях с вырезом, согласно Санкт-Петербургской моде, едва ли не до сосков и нездорового, испитого вида джентльмены в вечерних костюмах либо в экстравагантных шелковых «народных нарядах» во весь голос, мешая французский с русским, болтали кто об аппортах²⁴, кто о привидениях, кто о материализации эктоплазмы²⁵, кто об акциях железных дорог...

– Кто именно?

²³ Здесь: «Боже» (исп.).

²⁴ *Аппорт* – телепортация, паранормальное перемещение объекта из одной точки в другую либо возникновение «из ниоткуда».

²⁵ *Эктоплазма* – загадочная субстанция, выделяемая организмом медиума, основа для последующей материализации чего-либо (например, призрака).

– Феи из глухих уголков сада. Я изучал рассказы о встречах с ними, начиная с античности и заканчивая современностью, но ни секунды не верил, что их действительно хоть кто-нибудь видел... точно так же, как и исследуя предания о вампирах.

– Разница, – ответил Исидро, – в том, что вампиры – существа вовсе не сверхъестественные. Мы просто довольно редко встречаемся и в большинстве своем достаточно умны, чтоб не показываться на глаза куда более многочисленным жертвам. Что же касается фей из глухих уголков сада, на их счет у меня, подобно всем собравшимся в этом зале, имеется лишь мнение, не более. Суть его такова: отрицать, что некоторые особы действительно видели духов стихий и даже имели беседы с призраками, я не могу, но глубоко сомневаюсь, что все претендующие на подобный жизненный опыт действительно пережили нечто серьезнее... обмана чувств.

Оценив формулировку по достоинству, Эшер заулыбался:

– А вам самому доводилось когда-либо видеть фей?

– Полагаете, они охотно покажутся на глаза вампиру?

С этим Исидро отвернулся.

«Туше», – мысленно признал Эшер и, сунув руку в карман чрезвычайно американского пиджака-смокинга, нащупал письмо от Лидии, полученное под вечер, по возвращении от леди Ирен. Затем он расправил плечи и напомнил себе, что все до единого в зале – жалкие суеверные бездельники и даже не протестанты, а сам он, милостью Божией, американец и, значит, запросто справится хоть со всей этой толпой хлюпиков-russki.

Твердым шагом проследовав к встречающим гостей, он был представлен хозяйкам бала, сестрам-двойняшкам, дочерям князя Черногорского, выданным замуж за кузенов царя, – темноглазым, статным красавицам примерно его лет, одетым с той самой изысканностью, которую англичанки приберегают лишь для приемов при королевском дворе. Едва Эшер приблизился к ним, рядом, откуда ни возьмись, будто улыбчивый джинн в зеленом мундире, возник князь Разумовский, вовремя вставивший пару хвалебных слов о широте взглядов мистера Пламмера, а заодно о принадлежащих ему солидных пакетах акций судоходных компаний и мясохладобоев. То и другое обеспечило Эшеру постоянный приток собеседников на весь вечер: аристократов и аристократок, утомленных «косностью догм» православной церкви и истово стремящихся «исследовать сферы, объявленные так называемой современной наукой несуществующими»; бледных, но энергичных отпрысков обширного сословия наследных профессиональных бюрократов, сотни лет правящих Российской империей, до краев переполненных любовью к «настоящей Руси, Руси подлинной, деревенской, разбирающейся в собственной душе лучше кого бы то ни было»; и, разумеется, шарлатанов – и местных, и заграничных, и вовсе лишенных каких-либо национальных черт, хватавших Эшера кто за плечо, кто под локоть, словно вознамерившись силой уволочь его к Вратам Просвещения, искательно заглядывавших ему в глаза со словами «Я вижу в вас взыскующего Истины...»

«А я вижу в вас прохвоста, нацелившегося на мой карман».

Интересно, попробовал ли кто-нибудь из этих субъектов нажиться за счет Исидро и с каким результатом?

В кебе, по пути к дворцу, ознакомив спутника с перечнем докторов, к которым следует присмотреться, Эшер завел разговор о графе Голенищеве:

– Не столкнемся ли мы с ним сегодня?

– Вряд ли.

Одетый в элегантный вечерний костюм, Исидро скрестил на груди обтянутые лайкой руки. В огнях освещавших набережную фонарей вампир казался статуей, вырезанной из слоновой кости.

– А с его соперником в борьбе за власть, с князем Даргомыжским?

– Полагаю, окажись тем, кого видела леди Ирен, Даргомыжский, Голенищев назвал бы его – хотя бы только затем, чтоб прибавить ему огорчений. Исходя из этого, я полагаю, что в

ночь приема у Оболенских князь был на том же костюмированном балу в опере. Да, Голенищев тщеславен – а также изрядно глуп, особенно в вопросах выбора «птенцов», однако, дабы остаться хозяином города, ему пришлось осознать, что каждый из нас в безопасности лишь до тех пор, пока невидим. Собравшиеся сегодня здесь прежде всего как раз из тех самых, с кем ни один вампир в здравом уме бесед затевать не станет: все эти люди, веря в существование вампиров, занимают столь высокое положение в обществе, что власть имущие к ним прислушались. И наше счастье, – сухо добавил Исидро, – что этим людям не верит ни одна живая душа.

В самом деле: едва войдя в вестибюль, Исидро сделался не то чтоб в буквальном смысле слова невидимым, но совершенно неприметным, и Эшер этому нисколько не удивился. Задумался только зачем. Оттого что вампиру не по силам придать обезображенному шрамами лицу совершенно человеческий вид? Или ему просто не хочется вступать в разговоры с четырьмя тысячами человек, не интересующихся ничем, кроме загадочного дождя из живой рыбы, выпавшего в Олливилле, Род-Айленд, в мае 1900-го, или природы «звездного студня» (что бы это ни означало) – внеземного он происхождения или же сверхъестественного? Пятеро (четыре женщины и мужчина) поведали Эшеру о призраках, обитающих в их домах. Весьма серьезного вида дама за шестьдесят, увешанная бриллиантами, за которые запросто могла бы приобрести весь Новый Колледж и души всех его преподавателей, заговорщически держа Эшера за руку, рассказала ему о феях, живущих в самом глухом уголке ее сада.

– Скажите на милость! – воскликнул Эшер в ответ, кое-как скроив столь же серьезную мину.

Еще трое, в разное время ненавязчиво направленные в его сторону князем Разумовским, рассказали Эшеру все о феномене Самопроизвольного Возгорания Человека.

– Как ныне выяснено, та женщина из Франции, в восемнадцатом веке, была лишь одной из множества случаев, уходящих корнями к библейским преданиям! – истово уверяла его кареглазая дама, судя по стоимости платья и драгоценностей, супруга либо сестра чиновника высшего ранга, подвизающегося в одном из министерств. – Ученые сговорились – определенно сговорились! – держать подобные вещи в секрете от публики, из страха посеять панику. Но я своими ушами слышала от близкого друга – чьим словам можно безоговорочно доверять! – о подлинном случае со знакомым его близкого друга из Киева...

– Чистая правда, – прогремел невысокий, пузатый, точно слегка перекормленный гном, джентльмен в круглых очках с толстыми линзами.

Подобно многим из гостей-мужчин (хотя Эшер отметил, что к искреннему увлечению теософией более склонны особы женского пола), на бал он предпочел явиться не в строгой фрачной паре при белом галстуке, но в так называемом «народном костюме» – иными словами, в свободной рубахе навыпуск, на крестьянский манер, мешковатых штанах и смазных сапогах. Разница состояла лишь в том, что «народ» из унылых, запущенных деревень обычно не шил рубах и штанов на заказ, из плотного китайского шелка.

– Опубликуй я все, что сумел обнаружить, на том бы моей репутации в Университете и конец, – продолжал гном, ухватив Эшера за рукав в манере, недвусмысленно намекавшей на быстрое бегство прежних слушателей, и грозя ему пальцем, поднятым к самому носу. – Однако все данные определенно указывают на подлинность этих свидетельств. И ведь, заметьте, не где-нибудь в Индии или там в Мексике – здесь, в Петербурге! Только в минувшем сентябре, в окрестностях Малого Сампсониевского, dvornik одного из доходных домов обнаружил в одной из комнат груды углей, пылавших так жарко, что все тело жертвы, за исключением тупфеля, сгорело дотла...

– Именно, именно, и не один случай – целая эпидемия, – вклинилась в разговор супруга чиновника, – четыре, а то и пять, и все в этих ужасных трущобах вокруг тюремного замка «Кресты» и вокзала. И всякий раз одно и то же! Маслянистый желтый нагар на стенах, сизый дым в воздухе...

– Скажите на милость! – воскликнул Эшер, переключившись с английского на школьный французский, на коем старательно, с немалым трудом, поддерживал разговоры.

– И это еще не все. Подобные возгорания – или обгоревшие трупы без единого следа чего-либо горячего рядом – были замечены и в августе, и в октябре, и все, что характерно, здесь, в Санкт-Петербурге, – добавил гном, ткнув Эшера коротким, пухлым указательным пальцем в жилетную пуговицу. – Конечно, ученые вас заверят, что возгорания наблюдались исключительно на Выборгской стороне – в отвратительнейших, мсье Пламмер, из петербургских трущоб, а проживающие там бедняки жизни себе не мыслят без водки. Эрго, все это были нищие пропойцы, чьи проспиртованные отрепья воспламенились от окурков американских сигарет. Воспламенились! Вот так, у всех до единого?! У каждого, я вас спрашиваю?! Я слышал как минимум о семи случаях. Выходит, семь человек – в том числе юная девушка, судя по размеру и фасону туфель, кстати заметить, совсем не из тех, в каких ходят фабричные работницы, – семь человек дружно ухитрились облить водкой в количествах, достаточных для сожжения не только плоти, но и костей?!

– Но что же все это значит? – спросил Эшер.

– Все это – предзнаменования конца света, – с легким негодованием, как будто ответ Эшер обязан был знать сам, пояснила супруга чиновника. – Знамения грядущего пришествия Антихриста...

– Вздор, вздор! – немедля ошетинившись, возразил гном. – Бог мой, мадам, неужели вы слыхом не слыхивали о вечной смене циклов существования вселенной?!

С этим он вновь повернулся к Эшеру. В глазах его вспыхнули искорки энтузиазма.

– Это всего лишь доказательство тому, что вселенная входит в тот План бесконечной Пучины Эонов, где рубежи, отделяющие естественное от сверхъестественного, смещаются, утрачивают определенность. Мы, Круг Астрального Света, отыскиали в древних писаниях намеки на подобные явления – туманные, иносказательные, но означать чего-либо другого они просто не могут! Сущности, обитающие в иных Планах...

– Да как вы можете, – в свою очередь, возмутилась дама, – упорствовать в приверженности Науке, когда знамения грядущего Судного дня – и огненный дождь с Небес, и рев Первой Трубы, и Седьмая Печать – вот, у вас под носом?! Как можно быть настолько слепым?!

Видя, что оба уже начисто позабыли о его существовании, Эшер отступил в сторону, и тут над самым его ухом негромко, тоненько прозвучало:

– Не в окрестностях Малого Сампсониевского, а в Малом Сампсониевском переулке... и, как мне удалось установить, все эти семь случаев в итоге сводятся к одному.

Обернувшись, Эшер встретился взглядом с бледноглазым, неприметным человеком невысокого роста, в очках с толстыми линзами, чем-то неуловимо напоминавшим холоднолицых «птенцов», спутников графа Голенищева. Князь Разумовский, нависший над незнакомцем сзади, приподнял брови, однако в его предостережениях Эшер ничуть не нуждался. «Охранкой» – Тайной полицией – от невысокого серого джентльмена веяло за версту. Немедля сделавшись американцем насколько это возможно, Эшер сдвинул брови и с простодушной горячностью заговорил:

– Похоже, вы много чего обо всем этом знаете, мистер...

– Зуданевский, – представил серого коротышку князь Разумовский. – Gospodin Алоиз Зуданевский. А это, позвольте представить, мистер Джул Пламмер из Чикаго...

– Ужасно рад познакомиться с вами, сэр, – громогласно объявил Эшер, стиснув ладонь Зуданевского и встряхнув ее будто ручку водяного насоса.

– Его сиятельство сообщил мне, что вы ищете сведения о феномене самовозгорания человека.

В блекло-серых, оттенка петербургской зимы, глазах Зуданевского блеснули искорки любопытства. Прекрасно знакомые (сколько раз Эшер точно так же поглядывал на собеседника

сам!), эти искорки предостерегали: проявлять слишком большой интерес чревато излишними вопросами: «А зачем ему это все?»

Эшер кивнул:

– Да, слухов-то ходит куча: мне, дескать, так-то и так-то рассказывали, а как доберешься до сути, оказывается, случилось все там, где никто ничего не подтвердит. А я ищу настоящий случай. Подлинное событие.

– Так вы журналист, мистер Пламмер?

Эшер почесал переносицу:

– Нет. Понимаете ли, мистер Зуданевский, человек, которого я ищу по... по кой-каким личным причинам... – Тут он взмахнул рукой, словно отгоняя эти причины прочь. – Так вот, в одном из тех редких случаев, когда он, говоря со мною, не врал – то есть, на мой взгляд, не врал, слышал я от него, будто именно такая штука случилась с его сестрой, причем прошлой осенью. Кажется, он думал, что дело там в каком-то заговоре, но подробности мне неизвестны.

– И как же звали вашего друга?

– Мне он назвался «Орлофф», – проворчал Эшер, памятуя о том, что Зуданевский наверняка первым делом проверит показания, данные им в полиции. – С тех пор я выяснил, что тут он соврал. Однако у меня есть причины полагать, что отправился он сюда, в Петербург.

– А я, – вставил Разумовский, – буду весьма благодарен за любую помощь, какую вы – либо ваше Отделение – сочтете возможным оказать моему другу, Пламмеру, в его изысканиях.

Склонив голову, Зуданевский отвесил князю поклон в манере, граничащей с шутовской:

– С удовольствием окажу любую посильную помощь, ваше сиятельство.

Даже во фрачном костюме он казался серым, точно паук цвета пыли, и обладал лицом человека... нет, сам Эшер наверняка ушел бы из Департамента, лишь бы не стать таким же. Лишь бы не стать человеком, готовым исполнить все, чего ни потребуют от него власть имущие, не задаваясь вопросом зачем и даже не находя в этом ни малейшего удовольствия.

– Известно вам, где находится штаб-квартира Отделения – на Кронверкском проспекте, напротив Крепости? Если вы предъявите на входе вот это, – Зуданевский извлек из кармана визитную карточку, – и попросите проводить вас ко мне, скажем... скажем, завтра, в час пополудни? Я покажу вам, чем мы располагаем.

Едва Эшер вручил полицейскому свою карточку, одна из сестер, великих княгинь, ухватила его за плечо и поволокла прочь, знакомить со спиритуалистом, собирающим средства на учреждение Института Исследований Сверхъестественного, да не где-нибудь, а в Чикаго, и это испытание в некоторых отношениях оказалось для Эшера гораздо труднее беседы с Зуданевским – ведь Зуданевский даже не думал расспрашивать о городе, где Эшер отродясь не бывал. К полуночи в соседнем зале подали ужин – разумеется, постный, с осетровой икрой, норвежской семгой и тысячей сортов грибов и солений, а еще в одном зале, перед рядами кресел, играл на рояле необычайно талантливый молодой пианист, однако слушала его разве что треть собравшихся. По наблюдениям Эшера, многие не просто беседовали – флиртовали, причем куда откровеннее, чем принято в Лондоне. («Как, дорогая, среди бела дня? И – кто б мог подумывать – с собственным мужем?»)

Неторопливо переходя от компании к компании, Эшер крайне досадовал на необходимость вместо музыки вслушиваться в болтовню гостей. «Во имя короля и родины», – как сказал бы Макэлистер, дьявол его раздери... На ходу он знакомился с окружающими, будто случайно ронял кое-какие намеки, упоминал о кузене, специалисте по болезням крови, и мысленно пропускал сквозь мелкое сито бесконечные потоки шуточных, ни к чему не обязывающих разговоров, интересных ему куда меньше музыки, абсолютно игнорируемой собеседниками. То и дело приходилось напоминать себе, что кайзер стремится каким-то образом привлечь вампи-

ров к военным действиям... и что американцу, которым он притворяется, не отличить концерта Дебюсси от «Далеко в низовьях Суони»²⁶

²⁶ *Way Down Upon the Swanee River* – известная американская песня, написанная в середине XIX в., а позже признанная «официальной песней» штата Флорида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.